

© *Петербургское библиотечное общество, 2013*

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. №. 86

Номер подписан в печать 09.09.2013 г.

Люди и судьбы

В.С. Соболев. К 150-летию
со дня рождения академика
С.Ф. Ольденбурга
(научно-организационная его
деятельность в первые годы
Советской власти (1918–1928)) 3

В.А. Филов. О моей работе
в Библиотеке Академии наук СССР..... 8

Б.И. Назарцев. Ученый и власть
(неотправленные письма
Л.А. и Е.И. Орбели Сталину) 15

Презентация книги В.П. Леонова
«Библиотечный синдром»
(по протоколу заседания Библиотечного
общества С.-Петербурга
15 июля 1996 года) 23

История библиотек

Н.В. Колтакова. Массонская
библиотека как элемент
русской культуры 29

В.Б. Лазуркина, Л.А. Петрова.
К истории зданий Библиотеки
Российской академии наук.....34

Г.З. Пумпян. Из истории
Отдела литературы стран Азии и
Африки БАН.....37

Размышления о творчестве

Е.И. Коган. «С моим обломовским
характером...» (по фрагментам писем
Г.А. Озеровой) 57

Информация

Д.М. Омельченко.
«Под сенью каштанов»:
антиковедческая конференция
в Киеве 67

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Ежова М.Ф.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Юдахина О.Г.

Корректор

Томшина М.В.

Поэтическая страничка

Ю.В. Левченко

Стихи.....70

**К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА
(научно-организационная его деятельность
в первые годы Советской власти (1918–1928))**

В.С. Соболев, докт. ист. наук

Академик С.Ф. Ольденбург четверть века находился на высоком посту непреременного секретаря Российской Академии наук (с 1904 по 1929 год), в этот период истории он являлся одним из главных организаторов академической науки в России.

После Октябрьской революции С.Ф. Ольденбург продолжал оставаться одним из руководителей Академии наук и в первые годы Советской власти его научно-организационная деятельность приобрела особый смысл и ещё большее значение.

Прежде всего, непреременный секретарь Академии наук сыграл важную роль в решении вопроса установления единственно правильных взаимоотношений Академии с новой, Советской властью. Известно, что к февралю 1918 года руководство Академии наук — президент академик А.П. Карпинский, вице-президент академик В.С. Стеклов и непреременный секретарь академик С.Ф. Ольденбург приняло решение начать активное сотрудничество с Советским правительством. 20 февраля 1918 года Общим собранием АН, в ответ на обращение Наркомпроса РСФСР «о необходимости мобилизации русской науки», было принято специальное постановление. Текст его был выработан комиссией под председательством С.Ф. Ольденбурга. Этот документ заканчивался главным положением о том, что «Академия всегда готова по требованию жизни и государства, приняться за посильную и научную, и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства»¹.

Хорошо известно сколь суровые испытания выпали на долю российской науки

С.Ф. Ольденбург

в 1918 году. Но, тем не менее, подготовленный С.Ф. Ольденбургом «Отчёт о деятельности РАН за 1918 год» завершился замечательным и жизнеутверждающим выводом о том, что «Ничто и никогда не может остановить науку или заставить её повернуть вспять — искание истины, — неизменно и вечно»².

Следует отметить, что в то время большая часть элиты большевистской партии разделяла данную точку зрения руководителей Академии наук, считая науку важной составляющей успешного государственного строительства. Активная и высокопрофессиональная научно-организационная деятельность С.Ф. Ольденбурга позволила ему в короткие сроки завоевать должный авторитет и уважение у Советского правительства.

Вместе с вице-президентом АН В.А. Стекловым он вошёл в состав небольшой делегации, принятой 27 января 1921 года главой Советского правитель-

ства В.И. Лениным в Кремле (в делегацию так же входили начальник Военно-Медицинской Академии В.Н. Тонков и писатель А.М. Горький). Представители российской науки и культуры обратились тогда к В.И. Ленину за помощью, в связи с тяжёлым материальным положением интеллигенции.

Полагаем, что также знаменательным является и тот факт, что именно С.Ф. Ольденбург 26 января 1924 года, в качестве представителя советской науки, принял участие в первом заседании II Всесоюзного съезда Советов, посвящённом памяти В.И. Ленина. В своей речи, произнесённой на съезде, С.Ф. Ольденбург, в частности, указал на то, что «В.И. Ленин хорошо понимал, что государство обязано поддерживать науку, ибо наука важна особенно теперь при строительстве новой жизни»³.

Непременным секретарём Академии наук было многое сделано для выживания науки в трудных условиях Гражданской войны, послевоенных разрухи и голода. В сентябре 1920 года С.Ф. Ольденбургом было подготовлено и направлено очередное письмо в Советское правительство, где он писал «о невыносимом положении, которое грозит полным уничтожением учреждению, существующему уже скоро 200 лет, стяжавшему себе мировую известность и полное мировое признание его работ»⁴.

В ноябре 1920 года в Совнарком РСФСР вновь была направлена «Записка», подписанная всеми руководителями Академии (но, автором её являлся С.Ф. Ольденбург). В этой «записке», в частности, говорилось следующее: «Ясно, что если одни из русских учёных погибли в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России»⁵. В тот момент эти «хлопоты» руководителей Академии наук увенчались успехом и правительством для учёных было выделено 280 «Красноармейских пайков».

В результате неоднократных письменных обращений учёных — организаторов науки, их личных встреч с руководителями партии и правительства, наконец, 6 декабря 1921 года Совнаркомом РСФСР был принят декрет «Об улучшении быта учёных», в соответствии с этим нормативно — правовым актом «число научных работников, подлежащих дополнительному академическому обеспечению» достигало уже 7 тысяч человек. Следует отметить, что в 1920-е годы Советским правительством неоднократно принимались нормативно-правовые акты, в существенной степени улучшавшие положение отечественной науки и учёных.

Академик С.Ф. Ольденбург являлся одним из главных организаторов преобразования Российской Академии наук в главный научный центр страны — в АН СССР. Организационная работа в этом направлении руководством АН была начата задолго до момента положительного решения этого вопроса в июле 1925 года. В декабре 1924 года С.Ф. Ольденбург в очередном своём письме в Наркомпрос СССР писал по этому поводу следующее: «Академия полагает, что её общесоюзное и более того, международное значение делает необходимым непосредственную связь с СНК СССР»⁶.

Здесь неременный секретарь АН употребил деликатное выражение — «непосредственная связь». На самом деле руководители академической науки очень хотели того, чтобы Академия перешла в непосредственное ведение союзного правительства, это позволило бы осуществлять финансирование АН «отдельной строкой» в расходной части государственного бюджета (то есть, получить известную финансовую независимость от Наркомпроса). Далее последовали интенсивные организационные мероприятия, в которых С.Ф. Ольденбург принимал самое активное участие. Нарком просвещения А.В. Луначарский в своём письме от 20 июля 1925 года доверительно сообщил С.Ф. Ольденбургу о том, что «правительством уже предре-

шено преобразование Академии во все-союзное учреждение»⁷.

27 июля 1925 года было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О признании Российской Академии наук высшим учёным учреждением Союза ССР». С точки зрения руководства АН особый смысл и значение имела следующая формулировка из текста этого Постановления: «учреждением, состоящем при Совете Народных Комиссаров СССР».

Принятие этого правительственного акта было приурочено к 200-летию юбилею Академии. Торжественное заседание по этому поводу проходило 6 сентября 1925 года в зале Ленинградской филармонии. Выступили М.И. Калинин, А.В. Луначарский; были получены приветствия от А.И. Рыкова, Л.Б. Каменева и других руководителей Советского государства. От Академии наук с большим докладом выступил С.Ф. Ольденбург. Он, в частности, отметил, что «всеоюзность АН создаёт для неё новые возможности и налагает на неё новые обязанности»⁸.

С.Ф. Ольденбург, так же как и большинство академических учёных, придавал первостепенное значение роли культуры в советском обществе. В августе 1927 года нарком А.В. Луначарский обратился к С.Ф. Ольденбургу с просьбой написать предисловие к первому номеру только что созданного Наркомпросом журнала «Революция и культура». В этом своём предисловии учёный, в частности, отметил следующее: «Мы убеждены в том, что та революция, которая произошла у нас, была не только стихийно-разрушающая, а и революция культурная, не сметающая культуру, а очищающая и оживляющая её»⁹.

В связи с этим, С.Ф. Ольденбург был твёрдо убеждён в необходимости бережного отношения к культурному и научному наследию. В качестве постоянного секретаря Академии наук он неоднократно обращался с письменными заявлениями в различные органы Советской власти по различным вопросам сохранения памятников истории и

культуры. Так, в мае 1926 года С.Ф. Ольденбург обратился к руководству г. Ленинграда с письмом, в котором выражались тревога и озабоченность по поводу сохранности знаменитого «Медного всадника». Учёный отмечал следующее: «мне ежедневно приходится наблюдать, как подростки и молодые люди влезают на скалу, расшатывают змея, а некоторые взбираются и до самой фигуры и делают здесь гимнастику...»¹⁰.

Весной 1927 года академики А.П. Карпинский и С.Ф. Ольденбург направили телеграмму главе Советского правительства А.И. Рыкову, где говорилось следующее: «убедительно просим остановить ломку исторического памятника Красных ворот»¹¹. Красные ворота были сломаны, в соответствии с Планом реконструкции центра Москвы.

Несколько позднее руководители Академии наук выступили с решительными возражениями против развернувшейся в СССР в конце 1920-х годов продажи за границу музейных ценностей. В мае 1928 года С.Ф. Ольденбургом были направлены письма, с протестом против подобных акций в ряд правительственных учреждений. В частности, наркому внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микояну, наркому просвещения СССР А.В. Луначарскому, секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе.

Сергей Фёдорович писал тогда следующее: «Материальная польза, извлекаемая от продажи указанных объектов весьма невелика, но дело это слишком важное и слишком больно отражающееся на наших культурных интересах...»¹². Конечно, смутить подобными призывами тех, кто крепко держал в своих руках штурвал управления страной было невозможно, но это не умаляет значения и смысла предпринятых тогда академическими учёными шагов.

В первые годы Советской власти неприменный секретарь Академии наук являлся и одним из главных координаторов и организаторов её издательской деятельности. Следует сообщить конкретные

сведения о масштабах этой работы Академии в те годы¹³:

1913 г. — 1434 печ. л. (100 %);

1920 г. — 376 печ. л. (26 %);

1927 г. — 1567 печ. л. (109 %).

Штат академического издательства составлял 6–7 сотрудников, руководили им в те годы попеременно академики С.Ф. Ольденбург и А.Е. Ферсман, причём, оба «никакого содержания за работу в Издательстве не получали»¹⁴.

Главной проблемой, которую приходилось решать С.Ф. Ольденбургу, были скудные материальные возможности Издательства. Приведём некоторые конкретные сведения об этом¹⁵. В 1923 году Академией наук по самым скромным расчётам «было испрошено кредитов на издательскую работу 167 тысяч рублей, а отпущено только 65 тысяч рублей; на 1924 год было «испрошено 148 тысяч рублей, а отпущено было опять лишь 65 тысяч рублей» и т.д.

Осенью 1924 года С.Ф. Ольденбург обратился к главе Советского правительства А.И. Рыкову с письмом, где говорилось «о катастрофическом положении, в котором находятся русские учёные, почти совершенно лишённые возможности печатать свои труды в России»¹⁶. Следует отметить, что А.И. Рыков на данном письме «начертал» положительную резолюцию: «Госплану и НКфину. Вопрос заслуживает того, чтобы на него было обращено серьёзное внимание». Надо полагать, что внимание на этот вопрос действительно было обращено, но положительно решён он тогда не был.

В этой связи, будет уместным вспомнить, высказанную С.Ф. Ольденбургом в упоминавшемся выше «Отчёте РАН за 1918 год» мысль о том, что «ничто и никогда не может остановить науку». В те годы успех дела во многом обеспечивался неподдельным энтузиазмом российских учёных, их преданностью науке. Так, сам С.Ф. Ольденбург в середине 1920-х годов осуществлял абсолютно неформальное редактирование сразу нескольких общеакадемических периодических изданий:

«Известия АН СССР»;

«Труды Комиссии по изучению племенного состава» (КИПС);

Справочник «Наука в СССР» и др.

В первые годы Советской власти С.Ф. Ольденбург был одним из организаторов и руководителей Советского краеведения. Академик С.О. Шмидт назвал период истории с 1917 по 1927 год «Золотым десятилетием» в развитии краеведения в стране¹⁷. До революции в Российской империи насчитывалось всего 155 краеведческих организаций, а по состоянию на 1 сентября 1927 года в стране уже было зарегистрировано 1688 организаций самого различного профиля.

Руководящий орган российских краеведов — Центральное Бюро Краеведения (ЦБК) было создано в начале 1922 года и до 1925 года функционировало при Российской Академии наук (позднее оно перешло в ведение Главнауки Наркомпроса). С 1922 по 1927 год С.Ф. Ольденбург являлся руководителем ЦБК. Кроме того, он попеременно с академиком Н.Я. Марром, работал главным редактором центральных печатных органов краеведов — журналов «Краеведение» (1923–1929 гг.) и «Известия ЦБК» (1925–1929 гг.). Заметим, что вся эта работа велась на общественных началах.

Главной проблемой, которую С.Ф. Ольденбургу пришлось решать на посту руководителя ЦБК, было бедственное финансовое положение краеведения в стране. В апреле 1925 года он направил в Наркомпрос СССР очередное письмо о сложившейся в ЦБК ситуации. В письме, в частности, отмечалось следующее: «вместо обещанных 1000 рублей ежемесячных ассигнований, ЦБК получает по 100 рублей. Мы буквально бьёмся как рыба об лёд, считая каждый экземпляр книги, каждую пачку стальных перьев. Я уже несколько месяцев сплю по 4 часа в сутки, перегруженный работой по Академии, и, тем не менее, ЦБК я уделяю больше времени, чем раньше»¹⁸.

С.Ф. Ольденбургом был написан ряд важных и интересных работ по теории

краеведения, по многим научно-методическим вопросам краеведческой работы. Так, в декабре 1927 года им было подготовлено «Обращение» к участникам проходившей тогда III Всероссийской конференции по краеведению. В этом документе, между прочим, указывалось следующее: «Совершенно необходимо, чтобы на третьей конференции было сказано авторитетно и решительно, что краеведение есть массовое научно-культурное движение, и надо стремиться к тому, чтобы научное миропонимание распространялось в самых широких массах»¹⁹. Полагаем, что эта идея, высказанная в своё время учёным, и сегодня звучит актуально.

В июне 1928 года С.Ф. Ольденбургу, одновременно вместе с А.М. Горьким, первым в СССР было присвоено звание «Почётный краевед».

Следует отметить, что руководители Академии наук — академики А.П. Карпинский, В.А. Стеклов и С.Ф. Ольденбург являлись единомышленниками в главном, в выборе стратегии развития академической науки, как говорят сегодня, были одной командой. В то же время в руководстве Академии имелись и некоторые различия в отношении к гуманитарной составляющей в её деятельности. Так, вице-президент, выдающийся математик В.А. Стеклов имел свой, несколько отличный от позиции С.Ф. Ольденбурга взгляд на гуманитарную сферу науки. Он являлся сторонником всемерного приоритета точных и естественных наук. Приведём некоторые из записей, сделанных В.А. Стекловым в середине 1920-х годов в своих «Воспоминаниях»²⁰.

В них учёный, в частности, написал следующее: «Давно уже имею мысль об уничтожении ненужного и отнюдь не научного II Отделения (русского языка и словесности). Здесь почти нет науки, а одна беллетристика и часто белибердистика. Время ли портить бумагу и тратить деньги и труд на подобные изыскания... Конечно, и III Отделение (Историко-Филологическое — В.С.) со своими «Визан-

тийскими временниками», комиссиями «Константина Первородного» (правильно — «Константина Порфирородного» — В.С.), «Палестинскими обществами» (слава богам, закрыто не без моего участия!), не свободно от этих грехов».

Таким образом, получилось так, что основная тяжесть и ответственность по координации и руководству гуманитарной сферой деятельности Академии наук, во многом, легли на плечи неперемного секретаря Академии С.Ф. Ольденбурга. Результаты всей этой многогранной и весьма плодотворной работы, безусловно, заслуживают самой высокой оценки и признания.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФАРАН). Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Д. 165. Л. 31–31 об.

² Отчёт о деятельности Российской Академии наук за 1918 год. Пг., 1919. С. 16.

³ Сб. Ленин и Академия наук / под ред. акад. П.Н. Поспелова. М., 1969. С. 227.

⁴ ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 43. Л.Л. 532–532 об.

⁵ Там же. Л.Л. 539–541.

⁶ Там же. Оп. 1–1916. Д. 50. Л. 21–21 об.

⁷ Там же. Оп. 1–1925. Д. 1. Л. 269.

⁸ С.Ф. Ольденбург. Академия наук СССР за двести лет. Л., 1925. С. 19.

⁹ ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 1. Л.Л. 46–48.

¹⁰ Там же. Оп. 1–1926. Д. 1. Л.Л. 43–43 об.

¹¹ Там же. Д. 39. Л. 68.

¹² Там же. Оп. 1–1928. Д. 1. Л.Л. 45, 47, 48.

¹³ Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 261. Л.Л. 7–7 об.

¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 31 об.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 41.

¹⁶ Там же. Л.Л. 63–64.

¹⁷ Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Вып. 1. М., 1990. С. 11–27.

¹⁸ ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 1. Л.Л. 164–164 об.

¹⁹ Там же. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л.Л. 268–269.

²⁰ Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания / авт.-сост. Е.П. Ожигова и В.С. Соболев. Л., 1991. С. 298.

20 октября 2013 года исполнится 7 лет со времени ухода из жизни тридцать второго директора БАН Владимира Александровича Филова (доктора биологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации).

*Нынешнему поколению сотрудников Библиотеки о деятельности Владимира Александровича на посту ее директора известно крайне мало. Предлагаемые читателям его воспоминания впервые были опубликованы в моей книге *The Library Syndrome. München, Saur, 1999. P. 71–81.**

Это честный, непредвзятый взгляд на события, участником и свидетелем которых он был. Несмотря на то, что этим воспоминаниям 15 лет, они актуальны, поучительны и будут, несомненно, интересны тем, кто придет нам на смену. Поэтому свидетельства о таких личностях как В.А. Филлов должны быть сохранены, в нашей памяти.

Считаю эту публикацию накануне 300-летия Библиотеки Российской академии наук важным вкладом в изучение ее истории.

В.П. Леонов

О МОЕЙ РАБОТЕ В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. А. Филлов, директор БАН с 1980 по 1988 г.

Проработав в Библиотеке восемь лет, с 1980 по 1988 г., полагаю небесполезным представить свое видение основных моментов жизни БАН за этот период. При этом в мою задачу входит не хронологическое изложение событий, хотя без описания некоторых из них не обойтись, а, скорее, показать деятельность Библиотеки в системе Академии наук СССР и, главное, в системе существовавшего в это время государственного строя.

...В лаборатории прозвучал телефонный звонок и настойчивый женский голос попросил меня зайти в ближайшее время к начальнику управления кадров Ленинградских учреждений Академии наук СССР. «По какому вопросу? — Поговорим».

Это было непонятно, но интересно. Через несколько дней разговор действительно состоялся. После краткого анкетного опроса и утверждения, что

«мы Вас знаем», последовало предложение: «У нас уже год вакантно место директора Библиотеки Академии наук СССР. Вы — читатель БАН в прошлом,

хотя и недолго работали в системе Академии наук (действительно, был младшим научным сотрудником Института цитологии АН СССР), Ваше образование естественника нас устраивает. Предлагаем Вам занять вакансию директора. Не отказывайтесь сразу, подумайте, повторю — директором БАН должен быть только естественник».

По-видимому, мой отказ был не очень категоричен. Во всяком случае, я дал согласие встретиться с заместителем директора БАН К.В. Лютовой, которая уже длительное время исполняла обязанности директора. Энергичная дама пересекла кабинет и встретила меня крепким рукопожатием. Затем изложила основные задачи, стоящие перед Библиотекой, и охарактеризовала сферу ее деятельности. Это оказалось много шире представления, которое было у меня об этом учреждении. Так, я узнал, что все библиотеки при ленинградских академических учреждениях, а их более тридцати, — это отделы БАН, которые комплектуются и полностью ею управляются. Здесь занимаются научной работой, связанной с поиском, описанием рукописей, библиотечной классификацией, издают библиографические указатели и гуманитарные научные труды... У меня вдруг возникло ощущения какого-то дискомфорта. Не говоря ничего Ксении Владимировне, я окончательно для себя решил отказаться от этого предложения.

Далее были уговоры и обещания. В результате, стало ясно, что я не единственный кандидат на место директора, но единственный, кто от него отказывается. Стало ясно, что мое согласие не могло решить вопроса, ибо решение зависело от обкома КПСС. Однако это меня несколько не взволновало, поскольку от своей многолетней научной деятельности в Институте онкологии я не собирался отказываться, и переход на административную должность не входил в мои планы, тем более в незнакомой сфере.

Изменения произошли в Москве, в Президиуме Академии наук СССР.

Я был приглашен для разговора к первому вице-президенту В.А. Котельникову, при этом присутствовал вице-президент Ю.А. Овчинников, который курировал все биологические науки, а также библиотечно-информационную деятельность Академии. В беседе подчеркивалось, что все директора БАН, как и прежде, должны быть естественниками — только это образование, по мнению руководства, позволяло ориентироваться в задачах самого старейшего учреждения страны — Академии наук, Библиотечно-библиографическими и другими специальными вопросами должны заниматься заместители директора. При условии, что я возглавлю Библиотеку, мне будет оказано содействие в продолжении научной работы в Институте онкологии. Здесь же был решен и вопрос о моем совмещительстве, что в 1980 г. могло рассматриваться исключительно индивидуально и на самом высоком уровне. Однако в данном случае необходимо было на него разрешение Президиума Академии и Министерства здравоохранения СССР. Оно было получено и в дальнейшем соблюдалось. Все это и сыграло решающую роль в моем назначении.

Став директором Библиотеки АН СССР, я уже никогда об этом не сожалел. Раньше я ценил это учреждение в качестве читателя, теперь же познакомился с его сотрудниками, проблемами, определил для себя ее место в информационном обеспечении современной науки, взаимоотношениях с Москвой и регионами и многое другое.

Перед приходом в Библиотеку в октябре 1980 года я имел некоторое представление о ее коллективе, которое в дальнейшем подтвердилось. Мой предшественник на посту директора, уважаемый профессор Д.В. Тер-Аванесян, кстати, коллега моего отца по аспирантуре у Н.И. Вавилова и по работе в Институте растениеводства, исполнял в основном представительские функции. Реальную же власть в Библиотеке имели партийная и профсоюзная организации в лице сво-

их руководителей. Ситуация, довольно обычная для тех времен, в данном случае вела к многочисленным конфликтам в коллективе, в основном в решении социальных вопросов: распределении премий, квартир, путевок в санатории и дома отдыха, назначении на должности и т.д.

Не обладая достаточным опытом, действуя на свой страх и риск, без согласования с райкомом и обкомом КПСС, что по тем временам было недопустимо, мне удалось в короткие сроки избавиться в Библиотеке от всех партийно-профсоюзных начальников с большим стажем. Только позже на примере одного из руководителей академических учреждений Ленинграда я понял, что «играл не по правилам». По какому бы вопросу я ни обращался к нему, даже самому простому, он, выслушав меня, тут же брал трубку вертушки (прямая телефонная связь со всеми руководящими организациями города) и адресовал вопрос в Отдел науки обкома КПСС, что меня иногда несказанно удивляло.

Преобразования в Библиотеке стали возможны благодаря энтузиазму большинства сотрудников, среди которых хочется назвать Т.В. Звереву, О.М. Желтову, К.А. Свиридову, Ю.М. Тарасову, Г.И. Миловидову, Е.Р. Прокофьева, Е.В. Старову, многих руководителей библиотек при академических институтах и в первую очередь своего заместителя — К.В. Лютову. Все они были специалистами в своей области и следовало полагаться на их опыт. Было сделано немало полезного. Прежде всего, произведены структурные перестройки, образованы новые отделы: академического собрания, реставрации, репрографии, организационно-методический. Укреплен научный потенциал Библиотеки, в частности введены новые должности старших и младших научных сотрудников. Более всего это коснулось отдела рукописной и редкой книги, который считался самым интересным и перспективным в плане научной деятельности. Большое внимание было уделено комплектованию Библиотеки иностранными

изданиями, которое осуществлялось не только за счет покупки (денег для этих целей всегда не хватало), сколько в результате международного книгообмена и организации выставок иностранными издательскими фирмами. Такие выставки стали регулярными. Их с энтузиазмом посещала научная общественность города. А фирмы, после проведения выставок, оставляли книги в Библиотеке как бы в благодарность за их организацию или продавали за уменьшенную плату.

В это же время возникли взаимные творческие отношения с Юджином Гарфилдом, основателем и руководителем Института научной информации в Филадельфии, ведущим специалистом в области наукометрии. Институт выпускал ряд информационных и наукометрических изданий, среди которых известный Science Citation Index. Ежегодно в Ленинграде организовались лекции Гарфилда, собиравшие большую аудиторию. Резко увеличилось поступление изданий Института в Библиотеку. Активизировался издательский отдел Библиотеки, основной продукцией которого были библиографические указатели по актуальным вопросам различных разделов науки и Библиография изданий Академии наук СССР.

У дирекции Библиотеки сложились хорошие деловые отношения с Президиумом Академии в Москве, его планово-финансовым управлением, председателем Библиотечно-информационного совета академиком Ю.А. Овчинниковым и председателем Московского библиотечного совета академиком В.В. Меннером. Эти отношения необходимо было поддерживать, приходилось постоянно напоминать о себе. В результате удавалось получать дополнительное финансирование. Появлялась возможность увеличивать штатную численность. Так были организованы планово-экономическая группа, техническая служба, введена должность пожарного. К Библиотеке изменилось отношение, о ней узнали в Президиуме. Ю.А. Овчинников после моих настойчи-

вых просьб согласился поставить на Президиуме Академии наук СССР доклад директора БАН, что было крупной победой. В обозримом прошлом Президиум практически библиотеками не занимался. Влиятельные московские академические работники «библиотечного фронта» всячески противодействовали постановке доклада директора БАН, по их мнению, такой доклад должен исходить из первопрестольной. Однако инициатива принадлежала мне и уступать ее я не хотел.

Подготовка доклада и проекта постановления заняла несколько месяцев. Согласно Постановлению, Библиотеке должны были выделить необходимые ресурсы и решить вопрос о предоставлении дополнительного помещения. Согласование со всеми службами Президиума оказалось делом чрезвычайно трудным. Ответственные за исполнение того или иного пункта не соглашались визировать документ. Приходилось многократно обращаться к одним и тем же лицам, уговаривать, объяснять, доказывать бедственное положение Библиотеки. А подписей надо было собрать не менее десятка. Но, насколько я вспоминаю, ни один из предлагаемых мною пунктов в результате не был отвергнут. Однако вместо утвердительного «выделить», «организовать», «передать» во всех случаях, кроме тех, где ответственным должен был быть сам директор Библиотеки, появилось «рассмотреть вопрос». Здесь уже ничего поделать было нельзя.

Доклад и постановление сыграли положительную роль в жизни Библиотеки, хотя материальной поддержки практически так и не удалось получить. Вместе с тем постановление явилось основой всех дальнейших просьб и требований Библиотеки, не только адресуемых в Академию наук, но и в другие инстанции. Так, 13 марта 1984 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальное постановление о возложении на БАН функций Всесоюзного научно-методического центра для системы академических библиотек страны, а в 1987 г. Библиотека полу-

чила освободившееся рядом двухэтажное здание.

В то время в СССР существовала довольно стройная система академических библиотек. БАН, например, возглавляла библиотеки Северо-Запада. Подобная система была и при Сибирском отделении Академии наук. На Дальнем Востоке библиотечная сеть была несколько меньше. Все библиотеки при республиканских академиях наук также имели свою систему. Самая большая библиотечная сеть обслуживала научные учреждения Москвы.

В 1973 г. из состава БАН в Москве выделилась Библиотека по естественным наукам (БЕН). Сеть БЕН охватывала более 200 библиотек, соответственно количеству академических институтов в Москве. Кроме того, там же находились Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) и знаменитый ВИНТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации двойного подчинения: Академии наук и Государственному комитету СССР по науке и технике. Последние два учреждения были самостоятельными, остальные — тесно связаны общими задачами, часто общались на разных уровнях, обменивались опытом, словом взаимодействовали. Естественно, ввиду московского местоположения, библиотечная сеть БЕН финансировалась лучше всех, да и иных возможностей у нее, не в пример другим, было больше.

Не соответствовало реальной действительности и то, что БАН, будучи фактически, помимо библиотеки, и научно-исследовательским институтом, по статусу таковым не являлась. Прецедентов было достаточно — все крупные библиотеки Министерства культуры имели статус НИИ, а БАН же его не имела. Однако работу вела как настоящий академический НИИ. Решение этого вопроса не зависело от Академии наук, да она ничего против не имела (это было отражено в постановлении по докладу директора на Президиуме). Решение должно было приниматься на более высоком государственном

уровне. Вероятно, займись этим делом кто-либо из вице-президентов, вопрос решился бы без особых трудностей. Статуса директора БАН было явно недостаточно. Пять лет настойчивых попыток с моей стороны придать БАН статус НИИ не дали положительных результатов. Однако капля камень точит! С 1 января 1987 года Библиотека приобрела статус НИИ, чему в немалой степени способствовал директор Государственной Публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Академии наук СССР Б.С. Елепов, ранее работавший в тесном контакте с председателем Государственного комитета СССР по науке и технике академиком Г.И. Марчуком. С Борисом Степановичем вообще отношения были самыми теплыми; в частности, именно он рекомендовал В.П. Леонова, как самую подходящую кандидатуру на должность заместителя директора. Последовав его совету, я не ошибся.

Воспитание и расстановка кадров на всех уровнях в этот период была одной из главных задач партийных органов (КПСС). Руководство всех учреждений было обязано согласовывать с ними все кадровые вопросы. При этом на словах декларировался принцип профессионализма, на деле же он оставался третьестепенным. Во главу угла ставились совсем иные заслуги. Для занятия руководящих должностей, будь то в административно-научной сфере, или, особенно, в общественной, в первую очередь учитывалась партийность, национальность, рекомендации сверху и еще бог знает что, мне не всегда понятное. Во многих институтах дирекция следовала подбору кадров, руководствуясь именно этими неписанными правилами, согласовывая каждый свой шаг с партийными верхами (такая дирекция считалась хорошей, крепкой). Более редкими были попытки следовать логике профессионального и перспективного подбора кадров. В этом случае дирекция обязательно входила в противоречие с работниками райкомов. Наибольшего же успеха добивались ру-

ководители, проявившие при решении вопросов дипломатичность и гибкость. В Библиотеке мы старались придерживаться такого подхода. Не обошлось и без ошибок, однако в целом руководящий состав подразделений Библиотеки соответствовал своему высокому статусу. Руководство партийной и профсоюзной организаций со временем осознало свою роль «направляющей и руководящей силы» и стало активно заниматься вопросами подбора кадров и иными сферами деятельности БАН.

Основные их усилия были направлены на разбор анонимных писем в различные инстанции, чего я не приветствовал. Однако мое недоумение по поводу рассмотрения таких «документов» довольно скоро рассеяли в Президиуме Академии наук. Казалось, анонимки, не дочитывая, следует отправлять в корзину, но у А.Я. Пельше, члена Политбюро ЦК КПСС и председателя комиссии партконтроля, как мне разъяснили, мнение было противоположным. Считалось, что анонимка — очень важный сигнал, требующий досконального разбирательства. И вот в Библиотеку идут и едут комиссии, иногда московские из Президиума или даже из Центрального совета Профсоюзов, и проверяют, как распределяются жилплощадь, премии, путевки, устанавливается должностной оклад, определяется совместительство директора..., требуют объяснительных записок, проведения заседаний. Результат всегда нулевой, но, сколько высокооплачиваемых работников при деле! Воистину — богата Россия!

Серьезным моментом в жизни Библиотеки являлась проверка сохранности фондов отдела рукописной и редкой книги. Такая проверка различных фондов — дело обычное и необходимое для всех библиотек, и проводится она регулярно. Но вот в БАН именно в этом отделе в обозримом прошлом подобной проверки не проводилось. Полагаю, что связано такое положение было с элитностью отдела, который соприкасался по работе

с академиком Д.С. Лихачевым и находился под его покровительством. Условия же хранения уникальных книг и рукописей были не самыми благоприятными. К тому же имелись и другие обстоятельства. Среди последних можно отметить одно из увлекательнейших направлений деятельности отдела — археографические экспедиции. В северных областях России сотрудники добывали бесценные древние книги. Владельцы этих книг, чаще всего староверы, не брали платы за манускрипты ни в какой форме. Здесь надо было быть очень деликатным и зачастую годы уходило на то, чтобы установить с ними контакт. Владельцы этих ценностей обычно были людьми преклонного возраста, и, опасаясь за судьбу книг, завещали их государству. Для проведения археографических экспедиций Президиум Академии предусматривал финансирование, которое следовало заблаговременно заказать. Однако сотрудники отдела почему-то этого не делали, по завершении же экспедиции приходили ко мне, говорили, что заказать не успели, а вот теперь сильно потратились и представляли список затрат. Я находил возможность оплатить расходы. На следующий год ситуация повторилась, несмотря на неоднократные напоминания о необходимости заказа. Затем ситуация повторилась вновь, возникла потребность комплексной проверки отдела. Однако проверяющую комиссию не пускали в отдел. В ход пошли письма в разные инстанции, в том числе и анонимные. В известном смысле эта проверка явилась поворотным пунктом моей работы в БАН. В результате проверки был отмечен ряд недостатков, которые отдел должен был устранить, а руководителю отдела объявлен выговор, т.е. отделались минимальным наказанием. И тут мне позвонил Д.С. Лихачев и в категорической форме потребовал отмены выговора. Объяснений он не слушал, на приглашение прийти и посмотреть все материалы самому не обращал внимания. Отмены, естественно, сделано не было. С этих пор Д.С. Лихачев не упускал возможности ус-

тно или письменно очернить меня, а позже и заместителя директора В.П. Леонова, который со временем разобрался в сложившейся обстановке и поддержал курс дирекции, а не партийной элиты. Секретарь же партбюро являлся сотрудником отдела рукописной и редкой книги. Последний мой контакт с Д.С. Лихачевым был в день пожара. По совету председателя Президиума научного центра я обратился к Д.С. Лихачеву через его секретаря с просьбой о встрече и таким же путем получил согласие на встречу, но... через 3 месяца.

С момента проверки отдела рукописной и редкой книги партийная группа стала открыто противостоять дирекции практически по всем вопросам. Группа включала несколько работников среднего звена, весьма активных, и верхушку партийно-профсоюзного аппарата Библиотеки. Их требования были представлены мне в весьма циничной форме: уволить с занимаемой должности заместителя директора К.В. Лютову и назначить на все руководящие посты членов этой группы. Взамен мне была обещана спокойная жизнь и возможность заниматься всем, чем угодно. Через некоторое время предложение повторилось. Это было открытое требование возврата к старым порядкам, но с новыми людьми. Библиотеку стало лихорадить. В ход пошли всевозможные приемы: обвинения, откровенная ложь, анонимки. Появились публикации в прессе, вмешался обком КПСС. Так, один из очередных вызовов в обком закончился распоряжением уволить К.В. Лютову с поста заместителя директора. Широкая поддержка дирекции сотрудниками Библиотеки была полностью блокирована и не имела огласки.

В Библиотеке продолжалась своя профессиональная жизнь: совершенствовалось обслуживание читателей, развивалась автоматизированная система БАН, проходили выставки новых книг иностранных издательств, дирекция добивалась замены котельной работающей на угле на централизованное отопление,

осваивалось переданное Библиотеке двухэтажное здание, организовано ксерокопирование статей из научных журналов для читателей и многое другое. Но вот грянул пожар.

О нем написано немало. Однако до сих пор осталось много неясного и, вероятно, это навсегда. Я отмечу лишь немного. Прежде всего, было две стадии пожара. Возникший сначала небольшой пожар оперативно ликвидировали прибывшие пожарные в присутствии меня и ряда вызванных сотрудников Библиотеки. Пожарная команда не покинула здание до утра. И вот здесь-то на двух вышерасположенных этажах возник разрушительный пожар. Почему он возник? Позже шла речь о микротрещинах в перекрытиях. Однако возможна и такая гипотеза, что пожар должен был возникнуть по тем же причинам, что и первый. Почему возник пожар в закрытом по всем правилам при отключенном электричестве хранилище именно в воскресенье через несколько часов после окончания работы Библиотеки? Нет ответа. Вряд ли серьезно заключение, сделанное впоследствии на основании найденной на месте пожара стеклянной банки с окурком. В нескольких книгах, отправленных для просушки в другие библиотеки города, были обнаружены сгоревшие их центральные части, без выхода наружу. Эти экземпляры и сейчас хранятся в Библиотеке. Следствие демонстративно не обратило на них внимания, сказав, что такое может быть. Оно по существу разрабатывало единственную версию, предложенную ему вышестоящими партийными органами (это мое мнение). Видимо, необходимо было обвинить директора Библиотеки. Эксперты обследовали каждый миллиметр электропроводки. Обнаружить следов

короткого замыкания не удалось — она же была обесточена. В противном случае все было бы ясно: проводка ветхая, а директор не принял мер для ее замены. Встретившись в коридоре обкома КПСС со следователем В.А. Бахмицким, я услышал: «Жалко мне Вас».

Остается без внимания и результат предпринятого В.П. Леоновым изучения минерального состава поврежденных книг. Следствие не приняло во внимание. А результат интересен: в этих книгах обнаружено высокое содержание фосфора и магния, при этом в аутентичных изданиях из Публичной библиотеки Петербурга фосфора нет вообще (и не должно быть по технологии бумаги), а магния в несколько раз меньше. Так же без внимания оставлен и факт самовозгорания подмоченных книг БАН, просушиваемых в барокамере Военно-медицинской академии, когда эта камера уже несколько часов находилась в отключенном состоянии. Это лишь некоторые, хотя и основные, на мой взгляд, факты, на которые следствие не обратило внимание...

В целом мое пребывание в Библиотеке оставило у меня хорошие воспоминания. Приходить теперь в Библиотеку в качестве читателя всегда радостное событие. Здесь трудятся мои сослуживцы и друзья, хорошие специалисты и энтузиасты. Вижу и новые молодые лица. Отрадно и то, что в Библиотеке не осталось партийно-профсоюзных оппозиционеров, которые хотели захватить в ней власть. Тем не менее они продолжали вредить новой дирекции после моего ухода. Насколько мне известно, из этих людей в библиотеке почти никого не осталось. Я рад, что не ошибся в своем заместителе В.П. Леонове, который достойно занял место директора БАН.

УЧЕНЫЙ И ВЛАСТЬ

(неотправленные письма Л.А. и Е.И. Орбели Сталину)

Б.И. Назарцев, Военно-медицинский музей
Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

«Прочсть все черные страницы
Все незаконные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!..»

Т.Г. Шевченко «Кобзарь»

«В минуту тяжелого испытания я не могу не прибегнуть к Вам, отцу и учителю всех трудящихся, мудрому руководителю всей нашей жизни и деятельности.

Сейчас идет и сегодня должна закончиться объединенная сессия Академии Наук и Академии медицинских наук СССР, сессия, посвященная вопросам разработки научного наследия Ивана Петровича Павлова. На этой сессии я подвергся суровой, но справедливой критике, как со стороны моих собственных учеников, так и со стороны ряда учеников и последователей моего учителя, Ивана Петровича Павлова.

Я не понял и не оценил по достоинству значение этой сессии и рассматривал ее, как результат происков и честолюбивых стремлений кого-то из товарищей по школе Павлова, хотя имел сигналы о том, что дело обстоит гораздо серьезнее и речь должна идти о внесении необходимых поправок в весь ход разработки этого великого научного наследия...

Помогите, дорогой Иосиф Виссарионович, выйти из создавшегося тяжелого положения, на деле снова показать и доказать преданность Родине, народу, нашему общему делу построения коммунизма, в частности порученному мне большому ответственному делу.

С глубочайшей преданностью и уважением

академик Леон Орбели»¹.

Прежде чем дать комментарии к содержанию публикуемого документа, несколько предварительных замечаний.

Замечательный французский историк Марк Блок справедливо отмечал: «Было

бы грубой ошибкой полагать, что порядок, принятый историками в их исследованиях, непременно должен соответствовать порядку событий. При условии, что история будет затем восстановлена в реальном своем движении, историкам выгоднее начать ее читать “наоборот”. Ибо для всякого исследования естественно идти от более известного к более темному»².

Факты и события, о которых пойдет речь, достаточно хорошо изучены. Часть источников, которые используются в статье, была известна и раньше, до того как пополнила персональный фонд академика Л.А. Орбели в Военно-медицинском музее. С материалами, хранящимися в личном архиве ученого, много работали уже после его смерти вдова и внук — Елизавета Иоакимовна и Абгар Леонович Орбели³, ученики и соратники Леона Абгаровича, прежде всего Лев Германович Лейбсон⁴.

Однако значительная часть рукописного наследия из личных архивов Л.А. и Е.И. Орбели, прежде всего переписка, по разным причинам оставалась вне поля зрения (а может быть, и вне доступа) исследователей.

Именно рукописные материалы, неизвестные ранее, будут в первую очередь использованы нами (как отмечал испанский писатель Карлос Руис Сафон, «автора по-настоящему можно узнать только по оставленному им следу чернил»⁵).

Неизвестное ранее письмо относится к тому периоду деятельности Л.А. Орбели, который достаточно скупо был охарактеризован Л.Г. Лейбсоном в биогра-

фическом очерке, помещенном в первом томе избранных трудов академика.

«Как известно, в 1948 г. состоялась сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, а в 1950 г. объединенная сессия двух академий — Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР. Первая сессия была посвящена проблеме наследственности, вторая — дальнейшей разработке учения И.П. Павлова. На этих сессиях деятельность Орбели как академика — секретаря Отделения биологических наук и директора двух институтов им. И.П. Павлова⁶ была подвергнута некоторыми учеными резкой и необоснованной критике. В нездоровой обстановке культ личности это привело к устранению Орбели от всех занимаемых им должностей. Ему была оставлена только лаборатория в Научном институте им. П.Ф. Лесгафта, где вокруг Орбели собралась небольшая группа его учеников»⁷.

Вернемся к письму Л.А. Орбели. Три листа рукописного текста (судя по авторской нумерации листов, их было пять) и заготовленный конверт⁸ с пометкой «срочно» и вписанным от руки адресом: «Кремль, Александру Николаевичу Поскребышеву»⁹. От академика Леона Абгаровича Орбели. Москва, ул. Чайковского, 25, кв. 30¹⁰».

Почему же письмо не было отправлено? Л.А. Орбели не мог не почувствовать бессмысленность такого шага: все уже было предрешено. Постановление объединенной сессии не оставляло иллюзий в отношении последующих оргвыводов, касающихся не только Л.А. Орбели лично, его последователей и сторонников, но и в отношении целого направления в физиологии. Другая, гораздо более важная, причина становится ясна из текста другого, хорошо известного письма Л.А. Орбели Сталину (декабрь 1952 г.).

«...Анализ всего того, что мною сделано за 50 лет научной деятельности, занял у меня много времени, потребовал углубленного, вдумчивого отношения, ибо касался теоретических вопросов исключительного значения. Сейчас я под-

вел первые итоги этой работы и изложил их в двух записках по вопросам изучения высшей нервной деятельности человека. В этих записках я вскрываю свое мировоззрение в глубоком убеждении, что крепко стою на позициях диалектического материализма. Однако мне не хотелось бы предать записки гласности раньше, чем содержание их получит Ваше, Иосиф Виссарионович, суждение и я не получу подтверждения правильности моих взглядов. Ведь надо избежать новых ошибок... Я признаю отдельные свои ошибки — их, конечно, накопилось немало, но они не дают основания считать меня идеалистом и антипавловцем, тем более не могут служить основанием для отвода меня от разработки этого учения.

...речь идет о сохранении правильных принципиальных позиций и о выборе наиболее важных линий развития великого дела, начатого И.П. Павловым»¹¹.

В черновике этого письма, хранящегося в ВММ, говоря о своей работе над ошибками, Л.А. Орбели пишет: «Не смею скрыть, что в результате этого анализа, наряду с признанием допущенных мной ошибок, я не могу не признать ошибочными и некоторые, сделанные в мой адрес, критические замечания некоторых участников сессии и авторов ряда статей, последовавших за сессией»¹².

Оба письма, разделенные полутора годами, характеризует общая черта: уверенность в важности и нужности того, что он делает, то есть «не он конкретно, не лично он — Орбели, а он, как представитель науки, этого течения науки. Никогда не возникало сомнений в том, что, может быть, это не так уж важно, что, может быть, он идет навстречу своим личным пожеланиям — нет! Это было всегда общественно значимым... И вот, по-видимому, у Орбели и представителей его поколения вопрос о том, нужно это или не нужно — не возникал... Они могли сомневаться в том, удачно или неудачно получилось, правильно или неправильно они решили данную конкретную задачу, но в том, что они работают, отвечая насущной потреб-

ности общества в целом, — в этом у них сомнений никогда не возникало»¹³.

Отсюда и серьезное отношение Л.А. Орбели даже к несправедливой критике: не лгать, изворачиваться, каяться, а пытаться понять.

Нетрудно заметить, что содержание и тональность писем свидетельствуют об искреннем и глубоком уважении к Сталину как мыслителю, ученому-теоретику, способному направить в подлинно научное русло споры по принципиальным вопросам. Но трагизм ситуации заключался в парадоксальной на первый взгляд особенности: «методология схоластов и догматиков становится непробиваемой, а ортодоксальность неуязвимой, как только ее воспринимают всерьез»¹⁴.

Ответа на письмо Л.А. Орбели не было, но продолжались прямые нападки на ученого и его дискредитация: в январе 1953 г. публикуется статья Ю.А. Жданова «Против субъективистских извращений в естествознании»¹⁵.

И еще было неотправленное письмо.

Среди бумаг Елизаветы Иоакимовны Орбели сохранились черновики ее обращения к Сталину: несколько листов с многочисленными правками, свидетельствующими о поиске наиболее убедительных слов.

«Дорогой и любимый! Я верю, что письмо мое дойдет до Вас, и если оно дойдет, то я верю, что Вы ответите на него.

Я прошу Вас одним Вашим словом... остановить травлю моего мужа, Л.А. Орбели. Я решаюсь обратиться к Вам, потому что правда должна победить и в малом деле.

Мне 73 года, я армянка, 25 лет педагогической работы, 46 лет совместной, честной трудовой и скромной жизни с мужем. Наша единственная дочь, кандидат физических наук, также беззаветно и горячо преданная труду и науке, работала в Радиовом институте у ак. Хлопина и погибла в 1949 г. на 33 году.

Нынче, в августе исполнилось 52 года, с тех пор как Л.А. начал работать у Павлова и до последнего года он любовно, самоотверженно, бескорыстно и честно работал, отда-

вая себя, по слову своего учителя, целиком любимой науке, на пользу и процветание науки и нашей великой родины.

Со студенческих лет Л.А. работал под руководством Ивана Петровича Павлова, затем самостоятельно, но при его внимании и одобрении. Я смею это сказать Вам, потому что это правда, потому что Иван Петрович считал его лучшим и преданнейшим учеником.

А теперь вот уже 3-й год, используя жадность, злобу и зависть отдельных лиц, организована травля человека, который посвятил всю свою жизнь, всю силу своего недюжинного ума на изучение и разработку физиологии — наследство Павлова, не ограничиваясь хранением этого драгоценного наследия, а широко разрабатывая его по мере сил.

Теперь, ради каких-то, нам непонятных, целей пущена клевета, неправда и подтасовка для того, чтобы доказать его якобы, «извращение» учения Павлова для того, чтобы попросту убить человека. Только сознание своей правоты дает ему силу жить и работать.

(В одном из вариантов далее следуют слова, позже вычеркнутые: «Чтобы запугать и парализовать его многочисленных сотрудников и учеников пущена в ход идея, что травля эта, направленная на уничтожение человека, ведется по Вашему указанию. Ведь для нас, для миллионов людей нет выше авторитета, чем Ваше слово»).

Затем система запугивания пошла дальше — надо было подорвать его (Л.А. Орбели) научный авторитет, который был очень высоким.

Организована система запугивания товарищей и сотрудников партийных и беспартийных — лишением права работать, иметь место. Указывается, что они должны говорить, иначе они выбрасываются из научной среды.

Целые установки большой ценности и плоды многолетних больших трудов его сотрудников — уничтожаются, разбрасываются. Упоминание его научных достижений в печати не допускается. Готовые статьи его бывших сотрудников допускаются к печати только с неременным

условием — критики или просто выбрасывания имени руководителя работы и учителя — Л.А. Орбели.

Я знаю, — пишет Е.И. Орбели, — великие мировые дела, миллионы и миллионы людей живут Вашим словом, но я знаю, что мой голос простого человека дойдет до Вас¹⁶.

Елизавета Иоакимовна по поводу своего письма советуется со старшим братом. Александр Иоакимович (или как он сам писал — Акимович) Аладжалов (1875–1964), юрист по образованию, член партии большевиков с 1917 г., давно на пенсии, но сохраняет ясность и остроту ума, трезвость и оригинальность оценок событий в мире, за которыми он пристально следит. Сохраняет партийный энтузиазм; уже позже в связи с начавшимся периодом оттепели он писал: «Плеяда Великих людей — все с большой буквы: Ленин, Сталин, Хрущев. — Да, Хрущев, Хрущев. Весь глобус дрожит в его поднятой руке, потрясенный, плененный...»¹⁷

В письмах сестре он поясняет, почему не следует писать Сталину по поводу ситуации, сложившейся вокруг имени и деятельности Леона Абгаровича Орбели.

Дело не только в особенностях бюрократической машины. «Я не знаю, что ты хочешь писать Сталину. Я писал ему несколько раз в гордом стремлении помочь ему исправить допущенные им на мой взгляд политические ошибки, совершенно не имеющие никакого отношения к моим личным делам. И большею частью был неправ. <...> Все письма читаются секретарями — это ведь единственный способ связи партии с массами. Этой связью чрезвычайно дорожит партия. Но я никогда ничего не писал о своих личных делах. Такие письма тоже внимательно читаются, по ним посылаются ответы и, если требуется, иногда принимаются кое-какие меры. Но к Сталину они не попадают»¹⁸.

«Леон не совсем прав. Ему ведь несомненно сто раз во время его славы предлагали вступить в партию. Если находящийся на таком видном посту человек не стремится вступить в партию — это

уже заставляет к нему подозрительно присматриваться. Наука не может быть неполитичной. Если исследование уклонилось, например, в сторону для данного момента не совсем актуальную — это уже политический промах»¹⁹.

Указаний на «политические промахи» в работе Л.А. Орбели со временем становилось все больше. Можно сравнить в этом плане аттестацию на начальника Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова генерал-полковника медицинской службы Л.А. Орбели²⁰ от 05.04.1945 г. с другой, от 29.11.1947 г., подписанной преемником Е.И. Смирнова на посту начальника Главного Военно-санитарного управления Вооруженных Сил СССР, генерал-лейтенантом мед. службы Н.И. Завалишиным. Увеличивается идеологическая составляющая характеристики Л.А. Орбели. Если в 1945 г. отмечен только один недостаток: «из-за большой загрузки работой в Академии Наук СССР Л.А. Орбели недостаточно уделяет внимания практической повседневной работе в ВМА». В 1947 г. к этой же фразе добавляется другая: «Произведенной в октябре-ноябре с.г. проверкой работы академии обнаружен ряд недочетов в организации учебного процесса и в постановке идеологического воспитания постоянного состава и воинского воспитания переменного состава академии»²¹.

«Допустим, что Леон прав на все 100%. У нас полная свобода научного исследования. Конечно, полная и, конечно, с другой стороны, в границах коммунистического миропонимания и мироощущения. Так же как для астронома существует полная свобода исследования неба, но, конечно, в пределах признания Коперника. Если астроном не признает Коперника — мы его выгоним из обсерватории и это не нарушит свободы исследования неба.

Наша коммунистическая страна живет очень быстро и границы коммунистического миропонимания и мироощущения, именно мироощущения, очень быстро прочищаются и выступают там, где еще вчера едва брезжили в тумане или даже были сов-

сем не видны. И все легче, не заметив ничего в старом тумане, выскочить за туманную границу. И мы, коммунисты, растем вместе со страной, и каждые четверть шага соседа, переступившего во вчерашнем тумане еще вчера и нам самим в тумане не видную границу, — ощущаем больно и остро.

...Выросшие и всю жизнь прожившие в геоцентризме, при всем старании, преисполненные искреннейшего стремления отбросить это мирозерцание, преисполненные искреннейшей лояльностью по отношению к Копернику, в невинном на первый взгляд высказывании, даже в случайно вырвавшейся несознательной интонации могут сделать эти четверть шага, а это вызовет возражения, споры, искреннее и поддельное негодование, торжество “друзей” и, хуже всего, — непонимание.

Это непонимание было бы судьбой твоего письма. Поэтому я думаю, что ты не можешь написать убедительное письмо Сталину»²².

Обратим внимание на то, что в ходе рассуждений А.И. Аладжалова возникает имя Коперника.

Казалось более уместным, обращаясь к историческим аналогиям, назвать Галилея или Джордано Бруно, в связи с диспутами, которые продолжались несколько лет, но закончились вынесением инквизицией известного вердикта и сожжением ученого.

Дело не в личности; называя имя Коперника, автор письма имеет в виду ключевые термины, связанные с этим именем: «гелиоцентризм» и «система».

Аллюзии, возникающие при этом, отнюдь не только литературные (например, «солнце нашей поэзии»), но, скорее, идеологические (от сравнения «король-солнце» до прямого утверждения «государство — это я»).

Гелиоцентрическая система воспринимается как скрытая метафора авторитаризма²³.

Еще одна характерная деталь.

«Я сам не считаю себя хорошим большевиком», — пишет А. Аладжалов. — «Хороший большевик тот, кто не устает

ломать препятствия, пока не добьется победы — хоть рожа в крови, да наша взяла... Но чтобы победить безобразное отношение к Леону и его работе — где те силы? Ведь сколько народу надо угробить, чтобы победить.

...А мы, старики, интеллигенты мягкотелые, рожу в крови получить можем, а победу едва ли...»²⁴

Нельзя не отметить, что А.И. Аладжалов в образной форме говорит о тех феноменах, которые в современной науке определяются как агрессивная форма идеологизации науки и одновременно, очищения ее от нравственных моментов, и связанное с этим понимание психологии гражданской войны как важнейшей части массового сознания.

Как писал В.И. Миллер, «Вот две наиболее ходовые формулы этой психологии: “Кто не с нами, тот против нас” и “Если враг не сдается, его уничтожают”. С утверждением подобных взглядов уже невозможно говорить о “политическом противнике” (и даже “научном оппоненте”). Им на смену приходит “враг”, которого нужно разоблачить, а затем и уничтожить, если он не сдастся, а подчас и в том случае, если он сдался и даже “признал свою вину”»²⁵.

Психология гражданской войны не ограничена конкретным историческим периодом. Устойчивость ее проявлений в массовом сознании связана прежде всего с периодами политической и экономической нестабильности. Не случайно, обращаясь к так называемым «нулевым годам России» (1991–2011), В.Н. Ягодинский называет свою книгу «Государство — № 6 — это я! Партитура гражданской войны»²⁶.

Агрессивная идеологизация в науке (и не только в ней) связана с подавлением воли к продолжению борьбы у оппонентов и их потенциальных союзников и сторонников.

Нравственность или безнравственность, идеологическая и политическая зрелость определялись отношением ученого к принятым, официально одобренным постулатам. Характерная примета тех дней — любая смена ориентиров и идеологических установок в научной

сфере сопровождалась почти ритуальными заклинаниями в верности марксизму-ленинизму-сталинизму.

Не научная, а политическая составляющая становится определяющей в эти трудные для Л.А. Орбели годы. Это подтверждают материалы научных заседаний, советов, на которых вплоть до 1954 г. продолжали звучать обвинения и критика в адрес Л.А. Орбели.

Не научная дискуссия, а судилище, где стороны говорят на разных языках, а результатом становятся организационные выводы, скрепленные ярлыками «идеологический враг» и «политически неблагонадежен».

Изданный в 1951 г. Государственным издательством политической литературы тиражом 200 тыс. экз. календарь-справочник на 1952 г. — объемистый том на 766 страниц, в который вошли в общедоступной форме сведения из разных областей общественно-политической жизни²⁷.

Отдельный раздел «Советская наука» содержит 4 тематические статьи. Открывает раздел статья «Советское языкознание на новом этапе» — панегирик сокрушительной критике Сталиным основных ошибок советского языкознания, разоблачения антимарксистской сущности теории Н.Я. Марра, его учеников и последователей²⁸.

Вторая статья специально посвящена научной сессии по проблемам физиологического учения И.П. Павлова с критикой ученых (Л.А. Орбели и его ближайшие ученики, И.С. Бериташвили, П.К. Анохин и др.) за их «отступничество, ревизионизм, систематическую подрывную работу против материализма, махрово-идеалистические взгляды».

«Враги» определены и заклеены. В двух последующих статьях «Передовое мичуринское учение» и «Новая клеточная теория и учение о живом веществе» — называются «герои» в борьбе с «буржуазной же-наукой»: И.В. Мичурин, Т.Д. Лысенко, О.В. Лепешинская и др.²⁹

Механизм формирования «образа врага» работал исправно. Характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях З.И. Барбашова³⁰, говоря о продолжающихся обви-

нениях в адрес Л.А. Орбели на заседании Физиологического общества 23.02.1953 г.: «Я сидела в середине пораженного зала и вся похолодела, услышав голос молодой девушки, сидящей передо мной: “А почему же Орбели еще на свободе?”»³¹.

Очень точную характеристику ситуации дал в своем письме на имя Президента АН СССР С.И. Вавилова выдающийся английский нейрофизиолог Генри Дейл³². В письме, написанном в ноябре 1948 г., после известной сессии ВАСХНИЛ и разгрома генетики в СССР, ученый отказался от почетного членства в Академии наук СССР, в которую он был избран в мае 1942 г.: «С тех пор, как Галилей угрозами был принужден к своему историческому отречению, было много попыток подавить или исказить научную истину в интересах той или иной чуждой науке веры, но ни одна из этих попыток не имела длительного успеха. Последним потерпел в этом неудачу Гитлер»³³.

Если Г. Дейл в своем письме говорит о политической тирании, о насильственно введенных догматах и политических границах, отделяющих «советскую науку» от порицаемой «буржуазной», то другой автор, архиепископ Лука³⁴, в письме Л.А. Орбели от 09.01.1949 г.³⁵ обращает внимание на нравственный аспект проблемы.

«Многоуважаемый Леон Абгарович! Из письма сына моего³⁶ я с возмущением узнал о бесчестной травле, которой Вы так долго подвергались от некоторых недостойных Ваших сотрудников по институту. Еще раньше я с тяжелым чувством негодования следил за газетной травлей почтеннейших ученых, во главе которых всегда стояло для меня Ваше имя. По радио из Америки передавали полную глубокого возмущения речь одного из ученых, отказавшегося от почетного членства в нашей Академии Наук.

В этой речи он с глубоким уважением отзывался о Вас, а акад. Лысенко называл шарлатаном.

Низость духовная и моральная явлена была в речах тех наших ученых, которые на

собраниях занимались доносами на своих почтенных коллег. Но рекорд побил академик Страшун³⁷, которому мало было собачьего лая на живых ученых и понадобилось раскапывать могилы давно умерших Пашутина и Лукьянова и лаять даже на мертвых³⁸.

О Тетрога, о mores! Где прежде благородство и справедливость, где даже простая нравственная порядочность?

Примите, Леон Абгарович, мое искреннее и глубокое уважение и сочувствие в посетивших Вас невзгодах³⁹.

Безусловно, Л.А. Орбели не оставался одиноким в этой борьбе. Его позицию ученого разделяли до конца ближайšie сотрудники и сподвижники. Назовем среди них прежде всего А.В. Войно-Ясенецкого, А.Г. Гинецинского, Л.Г. Лейбсона, Е.М. Крепса, З.И. Барбашову. Этот перечень мог быть продолжен именами тех, кто с гордостью называл себя учеником и продолжателем дела Л.А. Орбели.

В 1957 г., ко дню рождения Л.А. Орбели, одна из его сотрудниц, Л.Ф. Иванова-Беклешова дарит машинописный экземпляр подготовленного ей указателя «Труды сотрудников из физиологических лабораторий академика Л.А. Орбели»⁴⁰, в который включены сведения о публикациях за 1916–1957 гг. 377 (!) авторов.

Тем не менее, наиболее драматичный период в жизни Орбели еще не скоро и не сразу получил освещение в биографических очерках и книгах, посвященных ученому.

Признавались ли тем самым — по умолчанию — обвинения в адрес Л.А. Орбели конца 1940-х — начала 1950-х гг.? Повторять их было бы неудобно ни в 1957 г., когда отмечалось 75-летие Л.А. Орбели и он вновь был официально признан главой школы отечественных физиологов, продолжающей и развивающей учение И.П. Павлова; тем более это могло показаться неуместным в 1982 г. — год столетнего юбилея ученого.

Причины в другом. Много оставалось не только свидетелей, но и участников «идеологических чисток» в науке, для которых объяснить смену полюсов в оценке деятельности Л.А. Орбели было не так

легко, а редкие попытки собственного оправдания выглядели не вполне убедительно. Но главное — это сила политической инерции и продолжающегося идеологического давления.

Об этом убедительно свидетельствует Л.Г. Лейбсон, автор, пожалуй, наиболее полной научной биографии ученого⁴¹.

Л.Г. Лейбсон пишет: «В 1973 г., когда публиковалась написанная мной биография “Леон Абгарович Орбели”, нельзя было рассказать всей правды о драматических событиях, которые произошли в жизни Орбели и его школы в 1948–1955 гг. Моя попытка включить в биографию эти события встретила яростное сопротивление... Я был вынужден ради спасения книги изъять соответствующие главы, в результате чего вместо ста с лишним страниц машинописи осталось около десяти. И если о злоключениях Орбели и его учеников кое-что все-таки в книге сохранилось, то только благодаря авторитету и настойчивости акад. Е.М. Крепса — ответственного редактора этой монографии»⁴².

В 1987 г. Л.Г. Лейбсон передал на хранение А.Л. Орбели машинописный экземпляр неопубликованных глав⁴³. И только в 1990 г. они были изданы тиражом 1500 экз.

И еще одно имя в контексте настоящей статьи необходимо упомянуть. Норавад Андреевна Григорьян — доктор медицинских наук, историк науки, автор многих публикаций, в том числе составитель, автор вступительной статьи и скрупулезно точных и содержательных комментариев к публикуемым документам в томе 26 серии «Научное наследство» — «Академик Леон Абгарович Орбели. Научное наследие» (М.: Наука, 1997).

Чем больше отдалается от нас сложный и противоречивый период в жизни страны, тем большее значение приобретают документальные свидетельства, неизвестные ранее. Они дают возможность почувствовать атмосферу тех лет, оценить масштаб личности такого выдающегося ученого как Леон Абгарович Орбели; рассмотреть новые факты и документы в контексте сохраняющих свою актуаль-

ность проблем: наука и власть, наука и нравственность, социальная ответственность ученого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черновик письма Л.А. Орбели И.В. Сталину. 04.07.1950, рукопись, 3 листа; ВММ. ОФ-95096 / 1

² Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 29.

³ Орбели (урожд. Аладжалова) Елизавета Иоакимовна (1879–1974), с 1907 г. жена Леона Абгаровича Орбели.

Орбели Абгар Леонович, 1939 г.р., внук академика Л.А. Орбели; кандидат физико-математических наук; президент общественной организации «Институт братьев Орбели».

⁴ Лейбсон Лев Германович (1900–1994) — физиолог, ученик и многолетний сотрудник Л.А. Орбели.

⁵ Сафон Карлос Руис. Игра ангела. М.: АСТ, «Астрель», 2010. С. 365.

⁶ Л.А. Орбели с 1936 г. директор Физиологического института им. И.П. Павлова и с 1939 г. директор Института эволюционного физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова, организованного на базе Биологической станции в Колтушах, которой Л.А. Орбели руководил с 1936 г.

⁷ Л.А. Орбели. Избранные труды в пяти томах. Т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 34.

⁸ Конверт к письму Л.А. Орбели Сталину. ВММ. ОФ-95096 / 2.

⁹ Поскребышев Александр Николаевич — ближайший помощник Сталина.

¹⁰ Домашний адрес Л.А. Орбели в Москве.

¹¹ Цит. из публикации письма Л.А. Орбели И.В. Сталину, декабрь 1952 г. в книге: Лейбсон Л.Г. Академик Л.А. Орбели. Неопубликованные главы биографии. Л.: Наука, Лен. отд., 1990. С. 155–156.

¹² ВММ. ОФ-95096 / 3. Л. 2.

¹³ Арзуманян А. Братья Орбели. Книга первая: Тайфун. Ереван: Айастан, 1976. С. 314.

¹⁴ Толстых В.И. Галилей против Галилея. // Наука и нравственность. Сб. ст. М.: Политиздат, 1971. С. 342.

¹⁵ Правда. 16 января 1953. С. 3.

¹⁶ Выдержки из черновиков письма Е.И. Орбели И.В. Сталину приводятся по рукописи, хранящейся в Военно-медицинском музее: ВММ. ОФ-95025 / 1–3.

¹⁷ Письмо А.И. Аладжалова сестре Е.И. Орбели. 17.12.1963. Здесь и далее приводятся выдержки из писем, хранящихся в ВММ: ОФ-96448/1-93.

¹⁸ Письмо А.И. Аладжалова сестре, Е.И. Орбели 16.01.1952.

¹⁹ Там же.

²⁰ Л.А. Орбели — начальник Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова с 1943 г. Приказом Министра обороны СССР № 0580 от 08.04.1950 г. освобожден от руководства как Академией, так и кафедрой нормальной физиологии, которую возглавлял с 1925 г.

²¹ Леон Абгарович Орбели. Сборник документов // Вестник архивов Армении. № 1 (62). 1982. С. 81, 104.

²² Письмо А.И. Аладжалова сестре, Е.И. Орбели 16.01.1952.

²³ В фондах Военно-медицинского музея есть любопытный экспонат (ВММ. ОФ-95969) — выпущенная в 1943 г., в разгар войны листовка к 400-летию со дня смерти Н. Коперника, с его портретом и обязательной цитатой из Сталина.

²⁴ Письмо А.И. Аладжалова сестре, Е.И. Орбели, 13.07.1952.

²⁵ Миллер В.И. Осторожно: история! М.: ЭТЦ, 1997. С. 145.

²⁶ Ягодинский В.Н. Государство — № 6 — это я! М.: Слово, 2011. 414 с.

Заметим, что Виктор Николаевич Ягодинский, выпускник Военно-морской медицинской академии 1953 г., доктор медицинских наук, добавляет следующий подзаголовок: «Психосоциальная матрица власти и общества (пограничные состояния)».

²⁷ Календарь-справочник на 1952 г. М.: Госполитиздат, 1951. 766 с. ВММ. ОФ-95653.

²⁸ Марр Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед, лингвист; «разоблаче-

ние» коснулось и его ученика академика Иосифа Абгаровича Орбели, младшего из братьев Орбели; в 1951 г. его уволили с должности директора Государственного Эрмитажа.

²⁹ Календарь... С. 427–462.

³⁰ Барбашова Зоя Ивановна (1910–1980), физиолог, ученица Л.А. Орбели, доктор биологических наук. Можно отметить, что для предупреждения очередного разгрома Л.А. Орбели его ближайшие ученики — З.И. Барбашова и А.В. Войно-Ясенецкий — 02.11.1952 г. также обратились к Сталину с письмом.

³¹ Научное наследство. Т. 26. Академик Леон Абгарович Орбели. Научное наследие. М.: Наука, 1997. С. 264.

³² Генри Дейл (H. Dale, 1875–1968). Общее собрание АН СССР в декабре 1948 г. лишило ученого звания почетного члена Академии.

³³ Цитируется по публикации письма Г. Дейла и комментариям к нему в кн.: Научное наследство. Т. 26. Академик Леон Абгарович Орбели. Научное наследие. М.: Наука, 1997. С. 289.

³⁴ Архиепископ Лука, в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877–1961), русский хирург и духовный писатель; доктор медицины; лауреат Сталинской премии за монографию «Очерки гнойной хирургии», епископ русской православной церкви; с мая 1946 г. — архиепископ Симферопольский и Крымский.

³⁵ ВММ. ОФ-96615. Л. 1.

³⁶ Войно-Ясенецкий Алексей Валентинович (1909–1985), доктор биологических наук, ученик Л.А. Орбели.

³⁷ Страшун Илья Давидович (1892–1967), академик АМН СССР, в 1947–1949 гг. активный участник идеологических чисток, в том числе так называемых «судов чести» в медицине и биологии. Впрочем, это не убергло его самого от обвинений в «эстетствующем идеализме» и увольнения из института организации здравоохранения и истории медицины.

³⁸ Пашутин Виктор Васильевич (1845–1901) и Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1935) — выдающиеся отечественные патологи. Их имена и научные труды назывались в связи с ожесточенной критикой в начале 1950-х гг. сторонников «метафизической реакционной теории целлюлярной патологии» немецкого ученого Рудольфа Вирхова (1821–1902).

³⁹ ВММ. ОФ-96615.

⁴⁰ Машинопись в переплете, 331 лист. ВММ. ОФ-95648.

⁴¹ Лейбсон Л.Г. Леон Абгарович Орбели. Л.: Наука, Лен. отд., 1973. 450 с.; Он же. Академик Л.А. Орбели. Неопубликованные главы биографии. Л.: Наука, Лен. отд., 1990. 192 с.

⁴² Лейбсон Л.Г. Академик Л.А. Орбели. Неопубликованные главы биографии. С. 3.

⁴³ В настоящее время хранится в персональном фонде Л.А. Орбели Военно-медицинского музея. ВММ. ОФ-95352. Машинопись, 164 л.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ В.П. ЛЕОНОВА «БИБЛИОТЕЧНЫЙ СИНДРОМ»

(по протоколу заседания Библиотечного общества С.-Петербурга
15 июля 1996 года)

Чалова З.В. (пред. Библ. об-ва., директор библиотеки им. Маяковского):

Презентация новых книг на заседаниях Библиотечного общества стано-

вится традицией. Это уже второй случай. До этого была презентация книги А.В. Соколова. Мы имеем представление о драматической ситуации в БАН.

Что-то знали, о чем-то читали. В книге отражена трагедия БАН, четко на документальной основе, а не на эмоциях. В ноябре 1995 г. в газете «Час пик» наше Общество выразило свое отношение к этому вопросу. Точка зрения общества была такова: нельзя чернить человека, не имея доказательств. Позиция Библиотечного общества не расходится с позицией, выраженной в книге. Сегодня присутствуют сотрудники БАН, члены правления общества, много известных людей, представители прессы, телевидения, т.е. все, кому небезразлична судьба БАН. Книга очень интересная.

– Предоставляется слово В.П. Леонову.
Леонов В.П. (директор БАН):

Еще год назад я не мог себе представить, что напишу эту книгу. Но я решил, что люди должны знать, как все было. В книге я субъективен как частное лицо и назвал ее «Библиотечный синдром», имея в виду большое библиотечное дело. Библиотека — это государство в государстве. БАН существует уже 282 года, это — первая государственная и академическая библиотека в XVIII веке. Сейчас она разделяет судьбу библиотек страны. Имеется опыт и хороший, и плохой. Голос библиотек слышен слабо. Трудно говорить о наших нуждах с дилетантами в библиотечном деле. Мы с этим смирились. Это все синдром и он не исчез. Это — болезнь. Наша профессия, библиотечное дело нуждается в защите. Поводом для написания книги явилась ситуация: руководителя библиотеки обвиняют по статье «Злоупотребление служебным положением». Был направлен донос в Генеральную прокуратуру РФ, затем дело было передано в Прокуратуру Санкт-Петербурга. Дело всколыхнуло всю библиотечную общественность. Для своей книги я выбрал определенный сценарий:

1. Компетентные органы предъявляют обвинение.

2. Пресса комментирует.

3. Общество ахает.

4. Компетентные органы скупы на информацию.

5. Средство массовой информации теряют интерес.

6. Публика переключается на новые сенсации.

Я находился под следствием без допросов в течение 56 дней. С октября 1995 года я прошел через 11 допросов, 7 из них описаны мною в книге. Дело закончилось 5 февраля. Когда я писал книгу, я еще не знал, чем мое дело закончится. Я выяснял, как наказывается донос в новом УК РФ (ст. 306): до 2-х месяцев тюрьмы и штраф в размере 50 минимальных окладов. В данном случае считается, что «они сигнализировали» (имеются в виду авторы доносов). Синдром — это и трагедия БАН, начавшаяся в 1988 году. В своей книге я не смог бы быть объективным без документов. Я рассматриваю следующие проблемы:

1. Что с делом В.П. Леонова?

2. Как жила БАН в 80–90-е годы, ситуация с пожаром?

Было опубликовано 99 документов. Не было отражено нашей точки зрения, поскольку Д.С. Лихачевым была организована блокада в прессе.

3. Приводятся альтернативные документы, показывающие, что практически сделала БАН для восстановления своей репутации.

4. Партийные структуры и их действия: приводятся соответствующие документы.

5. Отношение к этому В.П. Леонова и его комментарии.

Есть именная указатель. В Эпilogue я говорю о библиотечной профессии, о должности директора, о сложившейся ситуации. Есть повторы, я не «урезал» тексты, так как они несут смысловую нагрузку. Есть эпиграфы, примечания. Это не научная книга. Это попытка заявить о себе. Мне нравится библиотечный консерватизм, но в течении 70-ти лет библиотеки были «бойцами партии» и не могли формировать библиотечную политику. Кто должен быть директором? Человек со стороны, или профессионал? Я окончил ЛГИК, имею профессиональное образование, поэтому мне виднее библиотеч-

ные проблемы, я их острее воспринимаю и сильнее реагирую на дискомфорт. Это сложный вопрос. Все симптомы синдрома имеют место в истории с директором РГБ Филипповым, которому было сказано, что его вопрос может решать только Верховный суд. Моя книга — это попытка самозащиты. Я издал ее сам, на свои деньги. Я должен был рассказать, как все было. Обвинения и сейчас продолжают. Так, Бабурин и Говорухин считают, что мы нарушаем законодательство. Снова накапливается материал.

Я благодарю всех, кто меня поддерживал и верил в меня. Я никому не желаю такой рекламы. Убедился, что в характере деятельности спецслужб мало, что изменилось. Действует тот же сценарий. Снова появились доносы, даже на уровне аспирантов. Теперь речь идет об Альбоме Винуса и о коллекции Зибольда, имеющейся в библиотеке БИНа. В БАН оказалось наиболее выпуклое проявление библиотечного синдрома. Мне интересно знать Ваше мнение о книге.

ВЫСТУПЛЕНИЯ:

Тарасюк Ю.Ф. (ВМФ):

Судьба Военно-Морского Флота и БАН неразделима. Я — член Библиотечного общества, не профессиональный библиотечник, но занимался информационным обеспечением. Меня удивила публикация о библиотечном деле. Упоминаются РНБ и РГБ, а о БАН, старейшей библиотеке, пресса не знает. В БАН организована выставка, посвященная 300-летию Военно-Морского Флота. Мне подарили каталог этой выставки. Фундаментальная и прикладная науки построены на информационном обеспечении. С В.П. Леоновым я знаком более 10 лет и все трагедии мы переживали вместе. В.П. отличает мужество и стойкость настоящего гражданина. Хочу пожелать здоровья и успехов. Зло должно быть наказано.

Мыльников А.С. (директор Кунсткамеры):

Я работал в ГПБ. История и книговедение — очень близкие дисциплины. Зда-

ние Кунсткамеры — колыбель и Музея, и БАН. Я считаю, что книга В.П. Леонова сделана талантливо и неординарно. Как интеллигент, он не опускается до уровня доносов. Показан синдром, не только как библиотечное явление. Люди с большими амбициями, не нашедшие себя в жизни, используют любые средства, лишь бы добиться поставленной цели. Так, например, один специалист выступил на телевидении по поводу недостатков в области культуры. Вышестоящий чиновник сделал ему по телефону замечание.

Другой пример, очень ценным в книге является именной указатель. В 1994 году меня предполагали снять с должности. У меня все происходило не так, как у В.П. Леонова: я был утвержден в должности вторично распоряжением председателя правительства. В именном указателе я нашел ряд фамилий, которые в тот период имели и ко мне отношение. Это специалисты «широкого» профиля. Хочу надеяться, что теперь работа в БАН пойдет нормально. Я ее читатель с 1947 года. Библиотечное общество выступило с принципиальной статьей. Сейчас намечились позитивные изменения, этот процесс пойдет и дальше. Я — оптимист. Желаю успехов и благоденствия сотрудникам БАН.

Гудовщикова И.В. (СПбГАК):

1. Не должно сложиться впечатления, что В.П. Леонов — «рыцарь без страха и упрека». Он — человек, который сам себя создал, пройдя путь от слесаря до профессора. Человек нестандартный. У него бывали промахи, и ошибки. Книга написана субъективно, но без фальши.

2. Это самозащита. Книга написана в состоянии «крайней необходимости». Вся общественность узнала, что В.П. Леонов обвиняется в мошенничестве и контрабанде. Что оставалось делать? Кто бы нашел в себе силы, выполняя текущую работу, каждый день писать книгу. В.П. Леонов — человек мужественный, непростой.

3. Композиция книги странная, угловатая, личные воспоминания. Это особый

вид издания, немного художественного повествования. Имеется своя логика. Я была оппонентом на защите докторской диссертации В.П. Леонова и еще тогда обратила на него внимание как на писателя. В своей книге он замечает цвет костюма, выражение глаз. Это выглядит многообещающе. Возможно, будут и следующие презентации. Но самое страшное, больное место, характерное не только для библиотеки, а для страны, человечества — это невероятная агрессивность действующих лиц, некоторые из которых остались в тени. В основном — это книжники. С подобным синдромом нужно бороться. Надо признавать разные точки зрения. Злым людям и плохим обстоятельствам нужно противопоставить единение библиотек. Книга В.П. Леонова — призыв к такому единению. Библиотека им. Маяковского — один из организаторов совместной работы. Большая работа ведется по созданию единого автоматизированного сводного каталога петербургских библиотек. Книга В.П. Леонова — это подвиг. Она необходима. Она должна быть послана за границу. Давайте объединяться вокруг конкретных дел, В.П. Леонов заложил первый камень.

Кураев М.Н. (писатель):

БАН для меня, как для читателя, странная планета. Я познакомился с ней в 1988 году, в третьем дворе, где лежали груды литературы. В.П. Леонов стал моим заочным врагом. Я считал, что директора нужно судить, ему самому нужно сгореть со стыда. Возникла неприязнь к администратору, который еще и преуменьшает потери. Был гнев на ложь, но вскоре я понял, что мы живем среди всеобщей лжи. Если разделить общую сумму потерь на количество утраченных книг, то окажется, что каждая книга стоит 75 коп. Это и есть узаконенная ложь. Прикоснувшись к трагедии БАН, я понял, насколько благоприятна почва для подобных трагедий. Я позавидовал В.П. Леонову, когда через полгода он положил книгу на стол. Сколько стоит честь? Ничего. Так, например, Сосковец

замешан в махинациях с алюминием, но он об этом не напишет. Жизнь — самый большой интриган, такого не придумать. Мне пришлось выбирать, с кем я? С Д.С. Лихачевым или с В.П. Леоновым? В.П. стоит на защите культуры БАН и ему нужно помогать. Книга должна вызвать ощущение, что чума прошла и можно предъявить счет к оплате. Сегодня этот счет прозвучал. Я могу судить о книге как читатель. Это литература факта, литература документа. Документ более драматичен, на него мы реагируем активнее. Читать было интересно. Это масштаб учреждения, в котором ожог от пожара до сих пор не проходит. В бронированном фонде в 19 раз превышены нормативы размещения книг, в остальных хранилищах они также превышены. Книга — как удар в колокол, очень своевременный.

Орбели А.Л. (зам. директора ФТИ):

Я — близкий знакомый В.П. Леонова. Небольшое число наших общих знакомых всегда были рядом с В.П. Леоновым — на стороне чести и правды. Я считаю, что В.П. достоин государственной оценки своего подвига. Существует же звание «Герой России». Мы живем в нездоровом обществе и необходимо предпринимать шаги для его оздоровления. Лекарства против безнравственности не имеется. Нет и эталона нравственности. Выход книги в настоящее время — это подвиг. Самая горячая точка современной жизни. Честная, вовремя вышедшая книга. Очень точный момент выхода книги. Она будет приобретать все большую ценность для следующих поколений.

Нюкша Ю.П. (БАН):

Книга носит журналистский характер, хотя писал ее не журналист. В этом ее преимущество. Факты излагаются изнутри, а не извне. Мы содрогались от некомпетентности авторов публикаций о БАН. Книга же написана вполне компетентно. Все соответствует действительности. Она принесет огромную пользу всем, кто интересуется судьбой БАН. Было бы очень

хорошо, если бы основные положения книги нашли отражение в периодической печати.

Одар-Боярская К.Н. (*директор Библиотеки Академии художеств*):

Очень обидно, что В.П. Леонову пришлось оправдываться. Я не верила в то, что о нем говорилось. Если был бы жив И.И. Яковкин, он бы содрогнулся. Желаю удачи В.П. Леонову и Библиотечному обществу, желаю больше не попадать в подобные ситуации.

Филов В.А. (*НИИ рентгенологии и радиологии*):

Я был директором БАН с 1980–1988 г. Долго искал себе заместителя и нашел его в лице В.П. Леонова. Книга написана замечательно. Она необычна, ее нельзя ни с чем сравнить. 1-я часть — это его впечатления о БАН, какой он увидел ее и что с ним в БАН случилось. Львиную долю составляют документы. Я не считаю, что синдром злости нужно распространять на все человечество. Давайте сузим до стран бывшего социалистического лагеря. То, что представлено в книге, показывает результат нашего предшествующего развития. До чего мы дошли. В книге документально показано, что агрессивность была воспитана всем ходом предыдущего развития. Хочу поздравить издательство. Это — не детектив, это — уникальная книга, родоначальница нового жанра. Поздравляю В.П. Леонова. В книге отражено не все, но факты отобраны со знанием дела и высвечивают обстановку. В.П. Леонов представляет эту обстановку со своей точки зрения. Он характеризует руководство БАН и заведующих отделами. Отмечает, что в дирекции перед его приходом не было команды. Но эта команда была разгромлена. В то время в Академии наук господствовала точка зрения, что директором БАН обязательно должен быть естественник, специалистами же в области библиотечного дела должны быть заместители. Поскольку я по образованию физик и биолог, то я и оказался на месте директора БАН. Но я не оставлял биологию. Команда в то время бы-

ла. К.В. Лютова успешно справлялась с обязанностями заместителя директора. Она сплотила коллектив. Работали, да и сейчас работают великолепные кадры: Ю.М. Тарасова, К.А. Свиридова, Т.В. Зверева и др. Но обком партии приказал в течение 24 часов переместить К.В. Лютову на другое место работы. Синдром — это сумма симптомов, это медицинский термин. Книга В.П. Леонова — пионерская.

Барановский А.В. (*Издательство «Облик»*):

Мы познакомились с В.П. Леоновым через И. Богданова, книгу которого издали. Я был приглашен для разговора, после которого попросил один день для принятия решения. В 1990 г. мы издали книгу «Золото партии». Редактором был Игорь Бунич. Рукопись В.П. Леонова я прочитал на одном дыхании, не мог заснуть, пока не закончил. Переговорил со своими компаньонами, они тоже были в восторге. Мы видим, что делается с культурой. Желание об этом написать возникало у многих, но никто не написал. У В.П. Леонова — большой талант. Трудно определить жанр его книги. Есть такое понятие — «боевик». Книга интересная, в ней много Петербурга. Мы издаем воспоминания, посвященные тридцатым годам. Несколько лет тому назад издали «Эрмитажный театр» Авраменко, но весь тираж пошел под нож. История Эрмитажного театра прошла незамеченной. Рукопись В.П. Леонова интересна и в литературном, и в жизненном отношении. Изображена яркая ситуация. Книга многослойная, имеется второй и третий план. Напоминает энциклопедию русской жизни. На нашем совещании было решено: издавать книгу. К этому подтолкнула ее актуальность. Все сотрудники типографии согласились работать на любых условиях и зачитывались этой книгой. В течение 1,5–2-х месяцев книга была выпущена и соответствующим образом оформлена, так как одновременно книга литературная. Поэтому пытались найти ее образ. Она открывает новый жанр. Это большая удача.

Лебедев Д.В.:

В 1949–1951 гг. я возглавлял БАН. Это кончилось тем, что я был исключен из партии, стал рядовым сотрудником, меня увольняли, было заведено уголовное дело, был обыск. Я пытался обратиться в ЦК партии, но мне напомнили о деле Сланского, генерального секретаря компартии Чехословакии. БАН осталась для меня родной. Я ходил туда и до восстановления меня в правах. Я читатель БАН с 1936 года. Это мой родной дом. Я следил за всем, что там делается, и история, В.П. Леонова мне известна. Я очень рад, что В.П. Леонов выстоял.

Донченко В.К. (*Центр экологической безопасности*):

В.М. Пономарев и я имели шансы не стать положительными героями. О пожаре в БАН я узнал в поезде. Нужно отдать должное В.П. Леонову: он мгновенно оценил обстановку и стал непосредственным участником событий. Произошла еще одна трагедия: начался плесневый пожар. Мы находились в БАН сутками. Выхода не было. Наконец, через месяц было найдено решение, началась реакция общественности. До этого считалось, что все обстоит безнадежно плохо. Когда появились корреспонденты, им старались представить, что ничего не делается. Я специализируюсь в области безопасности библиотеки. Был связан с общественностью. Вскоре пошла настоящая работа. Поступили шланги из Тбилиси. Проверить их качество времени не было. Один из шлангов прорвало, но авария была моментально ликвидирована. Я сделал слайд — хранение книг в холодильнике. Все сотрудники работали самоотверженно, формировался костяк коллектива, способный решать сложные задачи. Если бы нас постигла неудача, В.П. Леонову пришлось бы писать об этом, но был успех, который подтвердила международная экспертиза. Было принято единственно правильное решение. Дальше пошла рутинная работа. Был снят фильм, который могли видеть во многих странах. Была применена технология XXI века. Но сейчас имеет место пожар во

всем нашем доме. Зарплата меньше, чем социальная помощь. В нашем Институте заканчивается работа. Сотрудники идут в БАН, где также мало платят. Тем не менее, организована работа с читателями. Лучше не стало, но в обвальное ситуации БАН чувствует себя хорошо. Сотрудники голодают, но обслуживают своих коллег. Здесь говорилось о книге В.П. Леонова, что это — самозащита. Но те, кто близко знает В.П. Леонова, считает иначе. Самозащита ему не нужна. Это — приглашение к согласию. У В.П. большой запас жизненных сил и вера в свою правоту. Мы не ищем областей согласия. В этой книге данная позиция изложена. Призываю осмыслить книгу В.П. Леонова применительно к своей жизни.

Леонов В.П. (*заключительное слово*):

Спасибо всем за то, что пришли на презентацию, что так восприняли мою книгу. Заложены фундамент. Уйду я, БАН останется, но мне хотелось причинить ей как можно меньше боли. БАН нас учит, способствует очищению человека. Я написал свою книгу за 6 месяцев, 15 февраля написал эпилог. Хотелось передать состояние человека, который еще не знает, чем для него все это кончится. Я благодарен издательству. Огромное влияние оказал М.Н. Кураев, он благословил меня на написание книги. Я боялся, что меня не поймут, когда давал рукопись для прочтения своим друзьям в БАН, но они дали мне понять, что я не один. Библиотечное общество — прекрасный дом. Был период, когда у меня опускались руки, я получал предложения перейти на преподавательскую работу. Но я чувствовал зависимость от «низов» и решил, что нужно идти до конца. Я собрал сотрудников и все им рассказал. Люди проявили свои лучшие качества и это давало силы. Не хотелось бы больше выступать в подобном жанре. Как дальше жить? Нужно посмотреть, что будет завтра, заглянуть в него, сделать шаг. Я знал, что эту книгу нужно издать сейчас. Послал ее друзьям и коллегам за рубеж. Спасибо!

МАСОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Колтакова, БАН

В последние десятилетия в связи с обретением Российской государственности усиливается потребность в изучении фактов и событий, составляющих предмет русской истории (особенно эпохи XVIII–XIX вв. — бурного подъема патриотических настроений, культурно-просветительских тенденций, масонских обществ). Исследуются все гуманистические направления развития России того периода. В этой связи духовный потенциал интеллектуальной части ее населения — передового дворянства — представляет особый интерес.

Начиная с петровского времени в страну вместе с массой заграничных диковинок завозилось большое количество литературы, а вместе с ними всевозможные идейные доктрины различных иностранных обществ.

Поначалу русские люди относились к этим «новинкам» как к очередной «забаве», но, тем не менее, следует сказать, что все необычное и выходящее за пределы устоявшихся канонов и понятий всегда будоражило их умы и вызывало повышенный интерес. На книжных полках стали появляться книги в основном на немецком языке различного содержания и толка. Здесь были эзотерические сочинения, богословские труды, философские и исторические трактаты. Запросы жизни быстро повышались, ее политическая составляющая выступила на первый план. Влияние иностранцев на внешнюю политику и масонства на политическую жизнь России стали играть громадную роль.

Постараемся уловить некоторые основные тенденции развития «инакомыслия» в образованных кругах Российской империи и определить соответствующую ему книжную конъюнктуру.

Вся история масонства была полна взлетов и падений, метаний среди множества общественных и религиозных

веяний. Чтобы не говорили о масонстве как его сторонники, так противники, оно на длительное время стало единственной светской идеологией представителей русского дворянства. Такие масонские ценности, как Свобода, Равенство, Братство, Вера, стали для них путеводными звездами в океане жизни, ориентируясь по которым, они стремились верным путем вести тогдашнее общество. Не следует забывать, что вплоть до конца XIX в. масонство являлось уделом исключительно дворянского сословия, во многом определявшего жизнь и уклад общества, оно всегда стремилось «брать хорошего человека и делать его еще лучше», делать его личностью искренней и глубокой Веры и высочайшей, кристальной Нравственности.

Начинается поиск идей национального самосознания, наступает самая блестящая эпоха тогдашней России — «эпоха надежд возвышенной юности». Появляются «вольнодумцы» и «высокие умы», они все «набирались сведений», необходимых для общественной деятельности, пытались «ума искать».

Так сложилось традиционно, в отличие от западных стран, где общественная деятельность ограничивалась городами, что все проявления социальной, культурной, политической жизни Российского государства были заключены в дворянских поместьях (см.: журнал «Петер. библ. школа» № 1, 1913 г. С. 13), и новые веяния быстрее доходили до провинции, чем о них узнавали в городах. (По статистическим данным за 1905 г. в 47 губерниях России насчитывалось 105 739 усадеб — это абсолютный феномен исключительно российской жизни; СПб.: Альфарет, 1995. С. 18–22. Репринт). Обитатели сельских владений как камертон отзывались на все события и их культурная жизнь не была оторвана от реалий,

происходящих в стране, а если учесть, что в каждой из этих усадеб была библиотека, которая постоянно пополнялась новинками, то можно представить, какой интеллектуальный уровень имели их обитатели. Почти все выдающиеся люди России XVIII–XIX вв. — дворяне, воспитывались на книгах принадлежащих им усадебных библиотек. Своими путеводителями по внутреннему миру они выбрали западных идеологов. В век Екатерины их вниманием овладели французские энциклопедисты — Дидро, Руссо, Вольтер (которые были выразителями западной масонской нравственности), «заразившие» русскую аристократию чуждыми ей идеями. Их сочинения в большом количестве «подвинули» на книжных полках прежних иностранных авторов. Увлечение ими стало повальным. Они заняли «почетное» место во владельческих библиотеках. Французская литература стала основным чтивом аристократов. Однако столь «болезненное» увлечение ею привело, естественно, к разочарованию в идеях французских просветителей. Приходит осознание отрицательного влияния вольтеррианства на русские умы.

Подобная зараженность французской атеистической и рационалистической философией создала чрезвычайно удобную почву для распространения масонства разных направлений. Зная особенности русской души с ее бесконечными исканиями, можно представить, какое разнообразие литературы появилось в обществе, кроме нравоучительных повествований, сатирических журналов, затрагивающих проблемы чести, совести, порядочности, правдивости до проповедования оккультизма и натурфилософии, таинственных изысканий «ученых» и магов по отысканию философского камня и изучению чудес природы (книги по мистике находились в каждой владельческой библиотеке; например: Иллюстрированная история Суеверий и Волшебства от древности до наших дней. М., 1901; Истолкование снов по Астрономии, происходивших по течению луны. М., Университетская ти-

пография, 1768; Плоды Меланхолии, питательные для чувствительного сердца. М., Университетская типография, 1766 и мн. др.).

Масонская западная философия с отрицательным отношением к религии полна темных и мрачных пророчеств, в ней говорилось о началах и концах, рождении и гибели, мировых катастрофах, поэтому ее влияние на российское общество было огромным, однако оно не оказалось для него губительным. Этому способствовало Православие, которое усиливало духовное пробуждение русских людей и вырабатывало новый нравственный идеал личности. Именно в масонстве произошла трансформация русской души. Отсюда всплеск интереса к религиозной литературе: вопросы веры, совести, чести приобрели более острое звучание. Для отечественных писателей-масонов открылась жизнь, много сложнее той, что предлагали им, поэтому они искали свои истины в природе, искусстве, в борьбе с «темными» силами. Романтический герой отражал тоску автора по идеалу, который он мучительно искал в представлениях о мире различных народов. В этот период таинственность, романтизм, мистицизм, волшебство стали свойственны светской художественной литературе, — рыцарские баллады на сюжеты западных сказаний, исторические повествования о «глубокой, седой старине» про древних славян, женские романы, полные мистицизма, про неземную любовь. Они были необыкновенно популярны и служили, прежде всего, средством эмоционального воздействия на людей. К сожалению, в настоящее время об этой литературе почти забыли, по крайней мере, широкому читателю она неизвестна. А жаль, — это очень интересный пласт нашей книжной культуры.

Огромная заслуга в просвещении русского народа принадлежала известному масону Николаю Новикову. Человек энциклопедических знаний владеющий иностранными языками, меценат и благодетель, он учредил в Москве Дру-

жеское ученое общество, которое было преобразовано в Типографскую компанию. Она стала одной из лучших в Европе. К 1788 г. в ней печаталось около половины всей книжной продукции России (философские книги, труды экономистов Англии, сочинения российских авторов XI–XVIII вв.).

Во многих городах России им были созданы книжные лавки. Ни в короткой статье, ни в толстой книге нет возможности перечислить все, что вышло из стен его типографии. Это учебники, литературные произведения, научные и философские труды, работы русских и зарубежных теологов. Большая часть этих книг никогда в России не издавалась, многие из них были впервые переведены с латинского и немецкого языков, за свою жизнь он издал больше книг (не по тиражу, а по названиям!), чем было опубликовано до него за всю историю государства Российского. Новиков старался представить широкому читателю лучшие образы мировых философских учений, которые только укрепили бы национальное самосознание, возвысили человека над всем суетным, меркантильным, несправедливым, лицемерным и другими пороками, разъедающими общество. Его известные и популярные сатирические журналы, в которых сотрудничали члены масонского общества, «Трутень», «Живописец», «Кошелек» в настоящее время являются редчайшими раритетами. Надо полагать, что основная часть литературы из дворянских библиотек как раз и была издана в его типографии.

Творцами величайших произведений искусств, лучших литературных шедевров стали выдающиеся русские масоны: Александр Сергеевич Пушкин, Александр Васильевич Суворов, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, Радищев, Сперанский, по некоторым данным в братстве состояли и особы императорского двора. Но список можно продолжить: Сумароков, Новиков, Баженов, Воронихин, Левицкий, Боровиковский, Жуковский, Грибоедов, декабристы — де-

ятели первого этапа русского освободительного движения, А. Григорьев, Волошин, Гумилев, Алданов, Осоргин, Адамович, Газданов. Философско-этические взгляды Льва Толстого были очень близки масонству, что он сам признавал. Одно простое перечисление этих великих имен говорит о том, что масонские ложи России объединяли лучших людей страны — в них концентрировалась атмосфера напряженных духовных исканий.

Деятельность масонских обществ периодически разрешалась, периодически преследовалась. Дело в том, что к ним, ставшим заметным явлением в России, власти относились настороженно, поэтому их издания изымали из продажи, запрещали и даже сжигали целые библиотеки. То, что дошло до нашего времени, это «капля в море» от того огромного количества книг о масонстве, которые находились у их обладателей.

Так, до нас дошли немногочисленные масонские библиотеки: известного археолога и знатока древностей А.Д. Чертоква (поделена между Научной библиотекой Воронежского государственного университета и Исторической библиотекой в Москве); библиотеки М.Ю. Вильгорского и А.С. Норова, поступившие в Румянцевский музей; библиотека Арсеньевых, которая сложилась в семье, на протяжении всего XIX века хранившей традиции «вольных каменщиков». В нее вошли книжные собрания виднейших масонов прошлого времени (Новикова, Шварца, Поздеева и др.), а также мистические книги XVI–XVIII веков на европейских языках из библиотеки В.А. Бибикова. Рукописный каталог библиотеки Арсеньевых содержит 2288 наименований масонских книг и рукописей. В БАН и РГБ также имеются редкие книги, относящиеся к масонству. Повезло библиотеке С.С. Ланского, которая была целиком передана в Румянцевский музей. Самой известной из масонских библиотек является собрание известного историка и археолога А.С. Уварова. Начало ее положил еще

в конце XVIII века министр народного просвещения А.К. Разумовский, продолжил собирательство его наследник на министерском посту С.С. Уваров (отец последнего владельца). Целиком библиотека содержит около 9 тысяч книг, но ее масонская часть включает примерно 1800 названий. К счастью, до нас дошло Библиографическое описание книг библиотеки Д.М. Остафьева, где он, не задаваясь дать полную картину масонства, представил некоторые библиографические материалы для его изучения, а также близкие к масонской литературе издания по мистике, гностицизму, алхимии и так называемым тайным наукам («Русский библиофил.», 1913. № 3. С. 104).

За последнее десятилетие Библиотека Академии наук совместно с издательством «Альфарет» осуществила несколько беспрецедентных проектов по нахождению, восстановлению, переизданию лучших образцов отечественной литературы XVIII–XIX веков:

Исторической.

Библиографической.

Изданий об Отечественной войне 1812 года.

Периодики.

Авторы и составители этих шедевров в разной степени имели отношение к масонству, испытали на себе влияние его философских воззрений, впитали в себя все лучшие идеи и постулаты, под их влиянием сформировали свои взгляды, отношение к жизни, которые и отразили в своих произведениях. Уровень их образованности, духовности, патриотизма и любви к Отечеству вряд ли когда-нибудь кем-нибудь будет превзойден. Не потому ли так важно оглянуться назад и попытаться осмыслить положительное значение орденов Вольных каменщиков России, историю и деятельность тайных обществ. Именно в эту эпоху XVIII–XIX вв. сложился тот образ России, который нам бесконечно дорог и с каждым днем становится все нужнее. Её слава, история дают ощущение непрерывности. Мы гордимся по сей день тем, что было создано именно тогда.

«Масонская библиотека» наш очередной, надеемся, не последний проект. Общими усилиями библиотекарей, издателей, просто людей, неравнодушных к прошлому Отечества, было выявлено более 350 томов, которые не переиздавались с момента их выхода в свет. Из них 147 (192) книги уже вышли из печати в репринтном исполнении.

Библиотеку изданий по масонству можно условно разделить на три части: книги (в том числе переводные), которые издавали сами масоны; труды исследователей, которые высказывались в пользу масонства либо, предоставляя читателю большой фактический материал, сохраняли нейтральную позицию; наконец, издания авторов, считавших масонство «мировым злом». Из редких произведений, представленных в ней, читатель узнает о целях и задачах, стоящих перед вольными каменщиками. Многие книги каталога содержат научное описание печатных и рукописных материалов, относящихся к их деятельности (дневники, переписка, акты и другие документы).

Приведем краткое описание некоторых наиболее значимых из них:

Так, издательская фирма Новикова выпускала книги по нравоучительной философии для искушенных знатоков. Перевод книги Августина блаженного «Святые и душеспасительные размышления Блаженного Августина» вызывало интерес передовой части русского общества, в его трудах искались ориентиры обновления России. Для масонов изучение жизни Августина становится «восхождением на высоту вечно светлого идеализма, манящего из глубины далеких, темных веков».

Книга известного общественного деятеля Н.Н. Беклемишева «Значение франкмасонства для флота» была популярна в политических кругах. В ней рассказывается о возникновении франкмасонства, его появлении в России, влиянии на экономическую и политическую жизнь различных государств, причаст-

ности к военным событиям на международной арене.

В своем труде Доктор Папиус [Анкос Жерар] «Генезис и развитие масонских символов: История ритуалов. Происхождение степеней. Посвящения. Легенда о Хираме» рассматривает происхождение масонских символов, степеней и ритуалов, их значение и развитие, историю образования различных масонских лож. Автор прославился как автор свыше 400 статей и 25 книг по магии и каббале. Он считался видной фигурой в различных оккультных организациях, парижских спиритуалистических и литературных кругах конца XIX–XX столетий.

Иван Владимирович Лопухин (1756–1816) был убежденным масоном, приложившим много стараний для распространения идей ордена среди русского общества, пользовался особым уважением московских «мартинистов», сподвижник Н.И. Новикова. Он был автором масонских изданий, которые представляли библиографическую редкость. Поэтому появление таких его книг, как «Искатель премудрости, или Духовный рыцарь», «Некоторые черты о внутренней церкви» и «Нравоучительный катехизис» вызывали большое внимание в обществе.

Интересна была работа Б.Л. Модзалевского «К биографии Новикова: Письма его к Лабзину, Чеботареву и др. 1797–1815». Борис Львович Модзалевский (1874–1928) — историк литературы, архивист, работал в Архиве Государственного совета, заведовал Архивом Конференции Академии наук, учено-литературные заслуги были отмечены избранием его в члены многих научных и ученых обществ. Все труды историка характеризуются точностью и исчерпывающей полнотой. Этой работой он восполнил недостающие сведения о знаменитом масоне.

Пордедж Джон (John Pordadge, 1601–1681) — медик, английский натуралист, мистик кабалистического типа. В тайной масонской типографии в Москве около 1787 г. был напечатан в трех частях перевод «Божественной и истинной мета-

физики» («*Metaphysica vera et divina*») Джона Пордеджа. Учение о Боге, как неизреченном свете, содержится чуть ли не у всех мистиков, но наиболее систематически изложенным, простым для восприятия оно представлено только у этого автора в его англоязычном труде, переведенном на немецкий и русский язык.

Переводчиком с немецкого на русский язык был известный масон Иван Петрович Тургенев, директор Московского университета. В свое время эта книга оказала сильнейшее влияние на русских масонов. О Пордедже восторженно отзывался Н.И. Новиков.

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — крупнейший представитель культурно-исторической школы в литературоведении. Он опубликовал «Исследования и статьи по эпохе Александра I» — плод многолетней работы автора по изучению общественных явлений в России времени правления Александра I. Александр Николаевич излагает свои наблюдения о личности императора, его планы преобразования как в правительственной, так и в общественной среде; настроения политические и религиозные, литературное движение. Отмечает новые явления в религиозной жизни России, ознаменовавшие переломную эпоху, освещает характер и мировоззрение молодого царя, возрождение масонства, возникновение тайных обществ и пр., а также сведения о переходном времени и о последних годах царствования.

Карл Эккартсгаузен оставил след в истории мировой литературы благодаря своим многочисленным трудам по философии, религии, эзотерике и оккультизму. Основным направлением его литературного творчества было исследование мистических явлений, изучение теории тайных сил, познание сущности бытия.

Несмотря на довольно резкую критику Эккартсгаузеном многих философских и эзотерических течений, масонских постулатов и положений, он был довольно популярен среди дворянской интеллигенции и деятелей масонского

движения в России. Во многих его произведениях можно найти идеи, близкие мыслям и высказываниям Парацельса, Фладда, Бёме, Сведенборга и многих других. Иметь эти произведения в своей библиотеке считалось знаком хорошего тона в среде русского дворянства XVIII–XIX вв. Один из философских трудов Карла фон Экартсгаузена «Ночи, или Беседы мудрого с другом...» — это повесть о том, что мудрость и сила духа дается благодаря неустанной работе над собой, что стать мудрым может только человек с чистым сердцем, и о многих других важных для благородного человека вещах. Познание «натуры вещей» становится основной задачей, а высшей целью человека является отрешение от чувственного и переход к духовному. Религия представлена как «истинный путь соединения с Богом».

Книга И.Г. Юнг-Штиллинга «Победная повесть, или торжество веры христианской» вызвала бурную полемику не

только в среде русского духовенства, но и среди членов Российского Библейского общества. Велико было влияние книги на русских сектантов. Как это ни парадоксально, этот противник французской революции и рационалистов в России прослыл «революционером и вольтерьянцем». Именно так был аттестован Юнг-Штилинг архимандритом Иннокентием, ректором Петербургской семинарии; эти же обвинения присутствовали в доносе на имя императора (август 1816 года) некоего губернского секретаря Степана Смирнова.

Хотелось бы отметить подвижническую деятельность издательства «Альфаре́т» в возвращении современному российскому обществу некогда утраченных раритетов, составляющих гордость русского народа. Книги издаются в прекрасном оформлении с учетом всех особенностей оригинала (иллюстрации-вклейки, великолепно выполненные обложки, портреты и рисунки).

К ИСТОРИИ ЗДАНИЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.Б. Лазуркина, Л.А. Петрова, БАН

Библиотека Академии наук, основанная Петром I в 1714 году, первоначально располагалась в Летнем дворце Петра I, фонды ее в этот период насчитывали порядка 2000 единиц. В 1718 г. она была перемещена в конфискованный дом боярина А.В. Кикина (возле Смольного), а в 1728 г. — в новое здание, построенное для Библиотеки и Кунсткамеры на берегу Невы. В это время ее фонд составлял уже 11000 единиц.

На протяжении XVIII и XIX вв. в Библиотеку поступили книги из частных собраний, осуществлялась покупка книг, шел активный книгообмен с зарубежными академиями наук, с 1747 г. Библиотека стала получать обязательный экземпляр всех академических изданий, а

с 1783 г. — обязательный экземпляр всех выходящих в России изданий. В 1860-е гг. в БАН хранилось уже более 250 000 томов. Остро ощущался недостаток помещений для книгохранилищ.

Начиная с 1870-х гг. руководители Библиотеки неоднократно предпринимали усилия по расширению библиотечных площадей. Почти 40-летние усилия увенчались успехом лишь в 1910 г., когда была утверждена правительственная смета на строительство нового здания Библиотеки. Его возведение началось в 1913 г. по проекту архитектора Р.Р. Марфельда и было закончено (за исключением фасадов) в 1914 г. гражданским инженером Р.А. Берзеном. Начавшаяся Первая мировая война помешала переезду, около

10 лет в этом здании располагался госпиталь. В 1920 г. архитектор Я.Я. Кетчер завершил отделку фасадов, и Библиотека Академии наук расположилась в своем новом здании.

К концу 1950-х годов фонды БАН резко выросли и насчитывали уже свыше 10 миллионов библиотечных единиц. Столь значительный рост фондов, а также необходимость обеспечения нормальных условий для научной работы требовали капитальной реконструкции существующего здания БАН. Был принят проект, предусматривающий расширение блока книгохранилищ путем пристройки нового здания к основному корпусу Библиотеки с Северо-западной стороны, между Библиотекой и Военной академией тыла и транспорта. К 250-летию БАН, которое торжественно отмечалось в 1964 г., книгохранилище было построено. Однако и это дало лишь временную передышку, т.к. фонды Библиотеки продолжали постоянно пополняться в результате новых поступлений литературы и в 80-е годы уже насчитывали 12 миллионов единиц. Места для их размещения катастрофически не хватало.

Руководство Библиотеки искало пути решения острейшей проблемы. Библиотека претендовала на здание Военной академии тыла и транспорта, которую Министерство обороны СССР было намерено перевести в другое место. Велась активная переписка между военным ведомством и только что образованным в 1983 г. Ленинградским научным центром, в результате которой Библиотеке было отказано.

Ленгорисполком, идя навстречу потребностям Библиотеки, предлагал ряд помещений для размещения ее фондов, в частности Дворец великого князя Алексея Александровича (Мойка, 102), здание на Почтамтской улице. Однако они не могли удовлетворить интересы библиотеки, т.к. были территориально удалены от нее и не были приспособлены для хранения книжных фондов.

Одним из зданий, на которое также претендовала Библиотека, стал сохранившийся корпус Старого Гостиного двора, сооруженный на нечетной стороне Биржевой линии в 1722–1735 гг. по проекту архитектора Д. Трезини. В XIX в. его неоднократно ремонтировали, а с 1910 г. его западный корпус и вовсе начали разбирать. На освободившемся месте возвели ряд новых зданий. Одно из них, расположенное в доме 1, — новое здание Библиотеки АН.

От Старого Гостиного двора на Тифлисской улице уцелела небольшая часть южного корпуса. Его облик был значительно изменен в ходе перестройки 1820-х годов. До революции его арендовала под склад мебели Козухина артель, существовавшая при Бирже, часть помещения занимал Архив таможенного департамента. В 1920-х годах в нем располагался Институт русской литературы (Пушкинский Дом), а в дальнейшем — НИИ галургии, изучающий месторождения минеральных солей и методы их промышленного освоения, который к 1984 г. переехал в новое здание на проспекте Народного Ополчения. Освободившееся помещение по многим параметрам устраивало Библиотеку. Руководством Библиотеки предпринимались неоднократные попытки получить его. Однако на все обращения от дирекции и общественных организаций, направленные в адрес различных инстанций, начиная с Ленинградского научного центра Академии наук и кончая Ленгорисполкомом, поступали отрицательные ответы: решением Ленгорисполкома это здание должно было быть передано другой организации.

И тогда, когда все официальные пути были исчерпаны, в 1985 году мы (Людмила Андреевна Петрова — на тот момент секретарь партбюро БАН, и Валентина Болеславовна Лазуркина — председатель профкома) пришли к директору Библиотеки Владимиру Александровичу Филлову с предложением написать письмо в Политбюро ЦК. Он не возражал против письма как такового, но решил, что

это письмо должно быть только от общественных организаций.

Мы обратились к секретарю ЦК КПСС по идеологии Е.К. Лигачеву, который фактически был вторым человеком в ЦК после М.С. Горбачева. И написали письмо, изложив в нем все трудности Библиотеки и все выгоды от присоединения к ней соседнего здания. В составлении письма также принимали участие заведующий библиотекой Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) Галина Викторовна Бахарева и заведующий Справочно-библиографическим отделом БАН Татьяна Ивановна Назаровская.

Глубокоуважаемый Егор Кузьмич!

Просим Вас помочь в решении вопроса о передаче Библиотеке Академии наук СССР освобождаемого помещения Института галургии.

Библиотека АН СССР — информационно-библиотечный центр всесоюзного и мирового значения — находится в критической ситуации из-за острой нехватки производственных площадей. Здание, построенное в 1914 году, было рассчитано на хранение 5 миллионов книг. В настоящее время в нем содержится 12 миллионов книг при ежегодном увеличении фонда на 650000 экземпляров. Таким образом, уже исчерпаны все возможности размещения новой литературы. Часть книг приходится складировать в штабеля, что делает невозможным использование их читателями и угрожает их сохранности.

В настоящее время в связи с переездом в новое здание Института галургии освобождается его помещение, расположенное рядом с Библиотекой АН СССР (Тифлисская ул., 1). Общая площадь здания около 2000 кв.м., его расположение позволяет произвести дополнительное строительство, объединяющее оба здания — Библиотеки и бывшего Института галургии — в одно.

Передача Библиотеке здания Института галургии не только увеличила бы площади для хранения фондов, но помогла

бы решить еще целый ряд задач, важных для всего Ленинграда:

1. Здание Библиотеки до сих пор отапливается собственной котельной на угле, что создает совершенно недопустимую в экологическом и эстетическом плане ситуацию в самом центре Ленинграда. Путем реконструкции котельной института можно решить вопрос о переводе Библиотеки на газовое отопление.

2. В здании Института функционирует вычислительный центр. Демонтировать его нецелесообразно, он может быть полностью использован Библиотекой, имеющей свою автоматизированную систему.

3. Важно, что улучшение обслуживания 25000 читателей, усовершенствование информационно-библиографической работы БАН и решение некоторых других задач может быть достигнуто при минимальных затратах финансовых и материальных средств, при той же численности штата. Предоставление Библиотеке помещений в других районах города эти преимущества исключает.

Многочисленные обращения в ряд инстанций Ленинграда, часть копий которых прилагается к письму, были безрезультатны.

В связи с этим мы вынуждены обратиться к Вам, т.к. считаем, что решение Ленгорисполкома о передаче здания Института галургии другой организации нуждается в пересмотре.

*Секретарь Партбюро БАН
(Л.А. Петрова)*

*Председатель Профкома
(В.Б. Лазуркина)*

В начале 1986 года письмо было отведено в Москву и опущено в ящик для писем и обращений граждан в ЦК. Ответ на письмо пришел в Горком партии Ленинграда, куда вызвали Л.А. Петрову и указали, что такие письма должны быть согласованы с городскими партийными организациями. Однако ответ уже был получен. И он давал Библиотеке надежду.

В апреле В.А. Филов показал нам письмо на имя Первого секретаря Обкома партии Ленинграда Ю.Ф. Соловьева, в котором было написано:

*Уважаемый Юрий Филитович,
ПРОШУ Вас разобраться
и помочь Библиотеке.*

Секретарь Политбюро ЦК Лигачев Е.К.

Таким образом, письмо за двумя нашими подписями свою миссию выполнило. Здание Института галургии было передано Библиотеке. В нем разместились Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения, Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов, Отдел ретроспективного комплектования и обменно-резервного фонда. Все это позволило высвободить ряд помещений в центральном здании, приспособить их для хранения фондов, обеспечить более комфортные условия работы для читателей и сотрудников.

Но к началу XXI в. ситуация с помещениями, предназначенными для хранения книг, в Библиотеке вновь стала катастрофической. Дирекция опять была вынуждена обращаться во все инстанции, просить, убеждать, объяснять значение и роль Библиотеки с 300-летней историей, хранящей в своих фондах ценнейшие достижения человеческой мысли.

В 2007 году по плану Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) России на 2007–2010 гг. Библиотеке Российской академии наук были выделены средства для реконструкции здания № 2 и для расширения книгохранилища библиотеки по адресу: Санкт-Петербург, Васильевский остров, ул. Тифлисская, д. 1. В настоящее время осуществляется строительство нового здания и перехода, который должен объединить главное здание Библиотеки Российской академии наук с новым корпусом, строящимся за сохранившимся корпусом Старого Гостиного двора, возведенным еще на заре истории Санкт-Петербурга легендарным его архитектором Д. Трезини — что может быть симптоматичнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы, опубликованные на сайте Библиотеки РАН (www.rasl.ru).

2. *Мошкалов А.Е.* Здание Библиотеки Академии наук СССР: (из истории строительства и вопросы реконструкции) // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1961. Т. 5. С. 273–287.

3. *Никитенко Г., Соболев В.* Дома и люди Васильевского острова. М.; СПб.: Центрполиграф : МиМ-Дельта, 2007. 734 с.

ИЗ ИСТОРИИ ОТДЕЛА ЛИТЕРАТУРЫ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ БАН

Г.З. Пумпян, БАН

В конце 40 — начале 50-х гг. на волне национально-освободительного движения и образования новых независимых государств в странах Азии и Африки, развития в них науки, издательской деятельности в Москве и Ленинграде стали создаваться специализированные отделы литературы стран Азии и Африки. Та-

ким образом, в академической системе в Ленинграде — Петербурге стали функционировать два востоковедных библиотечных подразделения — при ЛО ИВАН и ОЛСАА в БАН. В отличие от традиционной академической библиотеки при ИВАН (ИВР), ориентированной, прежде всего, на изучение классических

памятников, древних и средневековых источников, в ОЛСАА большое внимание уделялось приобретению новой и новейшей литературы (но также выборочно комплектовалась и классическая литература). Помимо изданий гуманитарного профиля, приобретались печатные труды в области естественных и точных наук. В связи с образованием в 1949 г. КНР и особым характером отношений в этот период между СССР и КНР большое внимание в наших библиотеках уделялось комплектованию именно китайской литературы. Во многом с ориентацией на Китай создавался и специализированный отдел в БАН. Первоначально в Научно-библиографическом отделе БАН была организована группа подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам, которую возглавлял Георгий Яковлевич Смолин. Реферативный сборник «Современная китайская литература по общественным наукам» издавался совместно с ФБОН АН СССР (в настоящее время ИНИОН РАН) и выходил шесть раз в год. Сборник включал рефераты публикаций по истории, экономике, философии, археологии, филологии и другим гуманитарным дисциплинам¹. В ходе реферативной работы был накоплен определенный фонд литературы на китайском языке, послуживший основой для вновь созданного в 1953 г. ОЛСАА, в котором продолжила свою работу группа подготовки рефератов (вплоть до ее расформирования к середине 60-х гг.). При организации отдела также были учтены особенности читательского спроса в тот период. В СССР обучалось огромное количество китайских студентов, именно они составляли большую часть читателей. Поэтому в виде исключения отдел академической библиотеки уже тогда был открыт для студентов (это правило действует и в настоящее время). Для зарубежного комплектования фондов ОЛСАА могли использоваться три основных источника: международный книгообмен, закупки литературы, выставки и дары. Главным источником комплектования

китайской литературы в тот период был международный книгообмен. В эти годы Библиотека АН получала значительное финансирование для целей международного книгообмена, большое значение придавалось формированию китайского фонда. Весьма показательны цифры, которые приводит в своей статье Г.Я. Смолин: так, если в 1948 г. Библиотекой РАН в Китай было послано всего 34 издания, то в 1949 г. — уже 5914 томов, а в 1955 г. — 71070. В свою очередь, были велики и поступления из КНР: например, в 1953 г. было получено из Китая 9244 экземпляра изданий, в 1955 г. — 18520 (!) экземпляров изданий². Количество академических и неакадемических учреждений, а также библиотек Китая, с которыми БАН поддерживала книгообмен, возросло с 14 в 1948 г. до 126 в 1954 г.³ В основном в 50-е — начале 60-х гг. была сформирована значительная часть фонда китайских монографий, периодики и справочной литературы (на тот период — самый большой в Ленинграде фонд китайских монографий периода КНР). Также, по оценке специалистов, в отделе было собрано наиболее значительное в Ленинграде (Петербурге) собрание переводов русской классики на китайский язык, изданных как в КНР, так и в СССР. Каталогизация монографий осуществлялась по правилам описания литературы на восточных языках, разработанным РГБ в сотрудничестве с другими крупными библиотеками (включая БАН). Описание состояло из трех частей: текст на национальном языке, его транскрипция (транслитерация) в кириллице и перевод заглавия на русский язык (при необходимости — с краткой аннотацией). Помимо контрольных топографического и служебного алфавитного каталогов, карточки были отражены также в читательском алфавитном и систематическом каталогах в читальном зале ОЛСАА. Дополнительно в Генеральный алфавитный каталог передавалась карточка, если было параллельное заглавие или параллельный титульный лист на западноевропейских языках.

После определенного «затишья» 70 — начала 80-х гг. наступило оживление с конца 80-х гг. прошлого века. Большое количество современных и классических изданий можно было приобрести через книжные магазины «Мир» (в Ленинграде — Петербурге) и «Дружба» (в Москве). Также возобновились оживленные контакты с учреждениями КНР, прежде всего, с Центром документации и информации Академии общественных наук КНР (ЦДИ АОН КНР). В 1990—1991 гг. состоялся обмен книжными выставками между БАН и ЦДИ АОН КНР, был подписан Протокол намерений о сотрудничестве. Впоследствии коллеги из ЦДИ АОН КНР еще не раз привозили выставки книжной литературы в БАН. Все это серьезно способствовало пополнению фондов ОЛСАА новыми ценными изданиями на китайском языке и ознакомлению китайских ученых с нашими научными изданиями. В области комплектования периодики по-прежнему основным источником является книгообмен. В настоящее время китайский фонд является самым большим в отделе по количеству монографий (свыше 20 тыс. названий). В фонде широко представлены сочинения китайских авторов разных эпох практически по всем отраслям знания⁴. Имеются сочинения по филологическим наукам и истории: комментированные издания памятников классической китайской литературы, а также исторические хроники, энциклопедии, образцы современной художественной литературы, филологические исследования. К числу наиболее интересных изданий можно отнести шесть видов, так называемых библиотек-серий «Цуншу», считающихся в Китае самыми полными. В собрание письменных памятников «Цуншу» часто входит большое число тетрадей, сшитых традиционным китайским способом прошивной брошюровки, есть и просто книги. Все шесть собраний снабжены комментариями. Среди них можно особо отметить серию «Сокровища полного собрания книг

по 4 разделам» («Сокровища из собрания «Сыку Цюаньшу чжэньбэнь чуцзи»), которая включает важнейшие памятники китайской литературы. Другая библиотека-серия — «Книжное собрание по четырем разделам «Сыбу цуншу». В ОЛСАА также есть часть из собранных остатков погибшей Энциклопедии эры правления Юнлэ (Юнлэ дадянь), вошедших в 215 папок-томов, включающих древние книги по различным отраслям знания. Они представляют несомненную ценность для ученых. В отделе литературы стран Азии и Африки хранится также и наиболее значительное по объему из всех дошедших до нас систематизированных справочных пособий по памятникам письменности «Полное собрание книг с древности до наших дней» (Гу цзинь тушу цзичэн). Среди исторических сочинений энциклопедического характера следует отметить собрание исторических документов «Сокровища библиотек» (Цэ фу юань гуй). Собрание этой энциклопедии было задумано сунским монархом с целью сохранения поучительных записей предшествующих эпох. Важным источником исторической информации является сочинение «Правдивые записи всех царствований Великой Цинской династии» (Да цин личао шилу). В период СССР имелось только два комплекта этого выдающегося сочинения (оба в отделе литературы стран Азии и Африки БАН). Среди новых приобретений можно отметить шанхайское издание 1987 года «Двадцать пять династийных историй» (Эршиу ши) в 12-ти томах. Это 25 хроник императорских династий. Хроники состоят из 3249 глав, в которых освещаются различные события нескольких тысячелетий. В китайском фонде широко представлены также выдающиеся современные китайские писатели: Чжан Сянлян, Цзян Цзылун, Дэн Юмей, Гао Ян. Справочная литература на китайском языке включает почти тысячу монографий. Особого внимания заслуживает «Большой словарь китайской письменности» (Чжунвэнь да цыдянь), изданный на Тайване в 1962 г.

Это самый полный словарь китайского языка, насчитывающий 40 томов. Главное внимание в словаре уделяется письменному языку, начиная с его истоков. Помимо лексического материала даются сведения об исторических деятелях, географические названия, наименования должностей чиновников. Перечислены все наиболее значительные памятники китайской письменности с краткой аннотацией, описаны книжные собрания и библиотеки. В СНГ имеется лишь два экземпляра этого словаря — в Москве и в С.-Петербурге. Ценными лексикографическими трудами являются также четырехтомный словарь «Цьюань» (Источник), изданный в 1984 г., и «Цыхай» (Море слов) 1987 г. издания, значительно расширенный за счет современной лексики. По мере издания в отдел поступали также очередные тома «Большого словаря иероглифов китайского языка» (Ханьюй дацзыдянь) в 6 томах и «Большого словаря слов китайского языка» (Ханьюй да цыдянь) в 13 томах, а также тома «Большой китайской энциклопедии» (Чжунго да байкэ цюаньшу). В фонде имеется много полезных пособий по изучению китайского языка, в том числе с приложением аудиовизуальных материалов. В разделе «Искусство» следует отметить альбомы традиционной китайской живописи высокого полиграфического исполнения. Особого внимания заслуживают сочинения по традиционной китайской медицине, по традиционным боевым искусствам Китая: военной гимнастике тай цзи, кунфу, школе военного искусства «Мэйшань», кулачному бой шаолинь, а также, созданной на основе классических видов борьбы, дыхательной гимнастике цигун. По просьбе сотрудников отдела были присланы новые словари. Из последних поступлений можно также особо отметить издания, посвященные 30-летию китайских реформ. Фонд китайской периодики насчитывает 749 наименований журналов по разным отраслям естественно-технических и общественных наук.

Об изданиях по китаеведению на русском и западноевропейских языках и о рукописных материалах в БАН

В БАН также имеются издания на русском и западноевропейских языках по китаеведению, включающие монографии и литературу справочного характера, картографические материалы. В ОЛСАА, а также в основном фонде и фондах специализированных отделов БАН (Отдел редкой книги, Отдел Русского Зарубежья, сектор картографии и фонд Бэра основного фонда) хорошо представлены русское классическое китаеведение, ранние западноевропейские издания, публикации русской эмиграции в Китае, картография по Китаю. Это труды известных русских востоковедов, изданные в Петербурге, Москве, Казани, городах Сибири и Дальнего Востока, Пекине, и т.д. Среди них можно выделить сочинения знаменитых китаеведов, членов Православной духовной миссии в Пекине (в том числе, труды о. Иакинфа (Бичурина), архимандрита Палладия (Кафарова) и др.). В этих фондах немало книг с описаниями путешествий по Китаю, Монголии, Манчжурии, Тибету известных русских исследователей, труды лингвистов — в том числе, специалиста в области сравнительного языкознания китаеведа и японоведа Е.Д. Поливанова, географа и историка Н.В. Кюнера и других. Также имеются комментированные переводы с китайского языка на русский и западноевропейские языки классических текстов, грамматик, словарей, исторических и политико-экономических исследований, дневников, записок и пр. В Отделе рукописей БАН также хранятся несколько списков знаменитого труда Николая Спфария о дипломатическом путешествии в Китай в 16-х гг.⁵ Сведения о двух из них вошли в опубликованные описания рукописных фондов БАН (список последней четверти XVII в. и список 50-х гг. XVIII в.)⁶. Еще три рукописи отмечены в карточном каталоге НИОР БАН. Выше упоминались ранние западноевропейские

издания по Китаю, поступившие в БАН в XVIII в., в том числе и в составе частных библиотек (Петра Великого, вельмож и известных государственных деятелей), которые находятся в Отделе редкой книги и в фонде К.М. Бэра. Это, преимущественно, исторические и географические сочинения, описания путешествий, труды о Конфуции на латинском языке и по буддизму. В БАН осуществляется изучение и научное издание каталогов этих библиотек⁷.

Можно также отметить, что в начале 90-х гг. спецхран БАН был преобразован в Отдел Русского Зарубежья, в составе которого имеются и издания русской эмиграции в Китае (выставка этих изданий была организована в 1996 г.), также в начале 90-х гг. происходила передача литературы из спецхрана в основной и специализированные фонды БАН. В частности, в ОЛСАА были переданы обычные по содержанию китайские естественнонаучные журналы (например, по биологии), единственной «крамолы» в которых был портрет Мао Цзедун. Представление о картографических материалах БАН по Китаю можно получить из статьи О.А. Красниковой в настоящем сборнике.

Научно-библиографическая работа

Как отмечалось, группа подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам прекратила свое существование в середине 60-х гг. Однако в Отделе была продолжена и получила дальнейшее развитие научно-библиографическая и информационно-библиографическая работа. В течение 60–90-х гг. в ОЛСАА было подготовлено и издано четыре каталога периодических изданий стран Азии и Африки по общественным и естественным наукам в фондах БАН и других научных библиотеках Ленинграда / Петербурга^{8–9}, два выпуска каталога справочных изданий по зарубежным фондам библиотек Петербурга с 1945 по 1968 гг. и с 1969 по 1990 гг.^{10–11} Последнее

издание получило 1-ю премию за лучшее библиографическое пособие на конкурсе РАН в 1994 г. В этих каталогах большой объем материала посвящен Китаю. С начала 90-х гг. в Отделе ведется большая работа по подготовке библиографического пособия по теме «Россия и Китай, XVII – начало XXI в.», которая была начата как совместное предприятие с библиотекой и Институтом новой истории АОН КНР. На рубеже 80–90-х гг. прошлого века впервые после длительного перерыва возобновились контакты между Библиотекой РАН и академическими учреждениями КНР. В 1990–1991 гг. состоялся обмен книжными выставками и делегациями между БАН и Центром документации и информации Академии общественных наук КНР (ЦДИ АОН КНР). Делегацию ЦДИ, которая посетила Ленинград в 1990 г., входили сотрудники ЦДИ и ряда библиотек при институтах АОН, среди которых был и Чжоу Синьминь из Института новой истории (впоследствии, один из гл. редакторов изданного в КНР каталога печатных материалов на китайском языке по русско-китайским отношениям, см. ниже), возглавлял делегацию русист по образованию, старший научный сотрудник ЦДИ, проф. Юй Дунлинь. В конце 50-х гг. прошлого века проф. Юй Дунлинь и его супруга Чжан Фуин закончили русское отделение филологического факультета ЛГУ. Во время визита китайской делегации в 1990 г. в Ленинград в Библиотеке РАН китайским коллегам было сделано предложение обсудить возможности совместной библиографической работы по подготовке каталога по истории русско-китайских отношений. Институт новой истории АОН КНР и библиотека при нем были рекомендованы в качестве партнеров с китайской стороны в соответствии с профилем работы Института. Во время ответного визита делегации БАН в Пекин в мае 1991 г. во главе с директором БАН, д.п.н. проф. В.П. Леоновым, в Институте новой истории состоялось обсуждение возможностей совместной ра-

боты и проспекта каталога, был подготовлен проект Протокола о намерениях сотрудничества в области совместной подготовки каталога по истории русско-китайских отношений, который был окончательно согласован и подписан в октябре 1991 г. в (уже) С.-Петербурге, куда приезжали директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн (в то время — исп. обязанности директора) и заместитель директора Сюй Хуйци¹². Руководителями проекта стали с нашей стороны — директор Библиотеки РАН проф. В.П.Леонов и с китайской стороны — директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн. В качестве консультантов по подготовке проспекта каталога и систематизации материала принимали участие преподаватели кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ проф. Г.Я. Смолин, доц. Н.А. Самойлов и проф. Б.Г. Доронин, об этой работе был проинформирован акад. В.С. Мясников, который высказал свои замечания. Первоначальное название каталога было «Русско-китайские отношения. Советско-китайские отношения, XVII в. — 90-е гг. XX в.: сводный каталог библиотек Санкт-Петербурга и Пекина». Проект предусматривал работу по единой схеме, включение материалов одного вида и типа и затем самостоятельное, но одновременное издание в Пекине и СПб. обоих томов и обмен пятьюдесятью экземплярами между партнерами. Предполагалось, что по тематике каталог будет ограничен наиболее традиционными для такого вида работ вопросами отношений в области политики и экономики, отчасти культуры, предусматривались и лексикографические труды. Что касается охвата библиотечных фондов, то планировалось включить библиотеки Санкт-Петербурга и Пекина. Наконец, по языкам — планировалось для «петербургской» части каталога включать издания на русском, западноевропейских и китайском языках (к чему мы предполагали приступить после ознакомления с ма-

териалами китайских коллег), а что касается «пекинской» части каталога, то она предусматривала охват материалов на китайском, японском и русском языках (издания русской эмиграции). Однако жизнь внесла свои, и весьма серьезные, коррективы (по некоторым параметрам — в сторону ограничения, а по некоторым — в сторону расширения). Пришлось ограничиться для «петербургской» части публикациями только на русском языке (за редкими исключениями), а в «китайской» — публикациями только на китайском (хотя в предварительных схемах систематизации материала была отдельная рубрикация для публикаций на японском языке); далее, по «петербургской» части каталога работа велась, прежде всего, по фондам БАН (в главном здании и частично — в библиотеке при ИВР (тогда ПФ ИВРАН), с указанием сиглы отдела и шифра. Помимо каталогов БАН, естественно, привлекались всевозможные библиографические, справочные и исследовательские печатные материалы, отражавшие публикации, не всегда представленные в БАН. Таким образом, собранный материал оказался значительно шире фондов БАН (что, видимо, потребует оговорить в предисловии или переименовать каталог в указатель). В «китайской» части — с одной стороны, помимо Пекина, включены материалы ряда библиотек китайских провинций, но, с другой стороны, включались не все пекинские библиотеки. Наконец, в «петербургской» части произошли изменения по отношению к тематическому подходу. Уже на первом этапе работы (1992/1993 гг.) с систематическим каталогом изданий по востоковедению на русском и западноевропейских языках в отделе БАН при ПФ ИВРАН (ИВР РАН), который включал также роспись статей, был выявлен настолько многообразный и богатый пласт публикаций по самым разным аспектам, который вполне вписывался в проблематику контактов России и Китая, что показалось необходимым отобразить это в ката-

логе, в частности, в таких сферах, как искусство, философия, язык и литература, экспедиции и путешествия, а также естественные науки и медицина и т.д. (Работа с систематическим каталогом библиотеки при ИВР РАН, в котором есть также и элементы предметного каталога, была довольно поучительна). Поэтому в основу новой схемы каталога были положены рубрики, отображающие контакты и взаимовлияния в разных областях науки и человеческой деятельности, о чем мы сообщили нашим китайским коллегам (отчасти при создании рубрикатора использовались наработки отечественных библиографов по созданию Библиотечно-библиографической классификации (ББК). Позже, с учетом особой интенсивности исследований по русско-китайским отношениям в последние годы, было решено также добавить, по возможности, публикации начала ХХIв. (ориентировочно по 2010 г.). Поэтому было несколько изменено и название этой работы («Россия и Китай, XVII — начало ХХI в.»). К этой теме примыкают также исследования, связанные с изучением образа Китая в России и, соответственно, образа России в Китае. (Методологически в этом направлении отмечают два аспекта — государственно-политический и на уровне обыденного сознания (см., напр., статью Е.И. Кычанова¹³). В разных областях знания также получают все большее распространение сопоставительные исследования, которые также должны быть учтены в библиографическом издании. Эти компаративные исследования осуществляются, преимущественно, в области языкознания, литературоведения, искусствоведения, экономики, юриспруденции, политологии, например, сравнения политической и правовой систем в КНР и в России, в этнопсихологии и социологии, например, «Этнические проявления психологической защиты (на примере изучения русских и китайских выпускников ВУЗов)». В течение ХХ в. в китаеведении появились новые направления — тангутика (тангу-

товедение), дунхуановедение, ицзинистика, даология, выделилась в самостоятельное направление маньчжуристика. Можно отметить интенсивность изучения в настоящее время в КНР России. В нашей литературе утвердился термин для обозначения комплексного изучения России — *россиеведение*. В работах наших ученых уделяется самое серьезное внимание состоянию китайского россиеведения. Все это также должно быть отражено в библиографическом пособии. В процессе работы мы обменивались информацией с китайскими коллегами при помощи переписки и в ходе устных консультаций. В частности, 29 июля 1996 г. состоялась третья рабочая встреча сотрудников БАН с группой историков из АОН КНР, в состав которой входили зав. Отделом истории отношений Китая с зарубежными странами, ведущий науч. сотр. Института новой истории Сюе Сяньтянь, который руководил группой по подготовке каталога (впоследствии также один из гл. редакторов каталога), науч. сотр. Института мировой истории Вэнь И и науч. сотр. Института современного Китая Ли Даньхуэй (было подтверждено, в частности, включение в работу справочных изданий). Наши коллеги (главным образом, проф. Сюе Сяньтянь) неоднократно также присылали в БАН для ознакомления свои варианты систематизации материала, что во многом было для нас полезным. Так, можно отметить некоторые особенности классификации в схеме для китайской периодики (еще в 1999 г.)¹⁴, которые в целом сохранились в окончательном издании: 1) особо рассматриваются последние события в СССР и России, сопоставление реформ в КНР и России, современные отношения РФ и КНР, в том числе, в контексте мировой политики (напр., разделы: «Распад СССР, влияние его последствий на обстановку в мире и Китае»; «Анализ реформ в Китае и России»; «Взаимоотношения стратегического партнерства Китая и России», «Взаимоотношения Китая с Россией и страны Сред-

ней Азии», «Взаимоотношения Китая с Россией и страны Северо-восточного Азиатского региона» и т.д. — по разным периодам; 2) подробно рассматриваются вопросы границы между Китаем и Россией (напр., такие разделы, как: «История народов, населяющих районы китайско-русской границы», «Русские исследования китайских пограничных районов», «Проблемы китайско-русской границы», «Китайско-русский пограничный конфликт», «История пограничных отношений в районах китайско-русской границы (история китайской границы, история Сибири и Дальнего Востока Советской России»); 3) подробно даны персоналии участников русско-китайских отношений (Персоналии в истории китайско-русских отношений, персоналии Китая, персоналии Советской России). В Пекине работа велась по первоначально предполагаемой тематике и была издана в 2002 г. в г. Чэнду под названием (в пер.): «Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17–20 в. / гл. ред.: Сюе Сяньтянь, Чжоу Синьминь; редкол.: Чжан Хайпэн (пред.), Сюй Хуйци (зам. пред.) и др. — Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. — 617 с. (то же в транскрипции: Чжун э гуаньси: чжунвэнь вэньсянь мулу (17–20 шици) / гл. ред.: Сюе Сяньтянь, Чжоу Синьминь; редкол.: Чжан Хайпэн (пред.), Сюй Хуэйци (зам. пред.) и др. — Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2002. — 617 с.)¹⁵. Несколько экземпляров его было прислано в Библиотеку РАН. В каталоге, подготовленном китайскими коллегами, отражено свыше 7000 названий, в том числе, 3300 книг, 3700 статей, проработано 600 журналов. Китайское издание включает, во-первых, краткое предисловие [Сюйянь]¹⁶, в котором даются общие сведения о работе, перечень участников и обследованных библиотек, и, во-вторых, более обширное введение [Цяньянь]¹⁷, в котором довольно подробно излагаются подходы к составлению каталога, история изучения и оценка русско-китайских отношений в китай-

ской историографии, в том числе, и на Тайване, структура каталога. Как говорилось выше, китайские составители помимо Пекина включили также библиотеки некоторых провинций. Публикации профессора Сюе Сяньтяня в настоящее время периодически появляются в наших изданиях (напр., в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹⁸). Он же является автором одного из предисловий для русского издания вышедшей в 2010 г. в переводе на русский язык монографии китайской исследовательницы Ван Ци (по вопросам Восточного участка российско-китайской границы)¹⁹. В этой же монографии Ван Ци имеется ссылка на отбор Сюе Сяньтянем и Чжоу Синьмином для выше указанного каталога «7148 наименований книг и статей на китайском языке о двусторонних китайско-российских отношениях в XVII–XX веках, систематизированных по 30 темам (включая проблему Восточного участка китайско-русской границы)». По мнению китайской исследовательницы, «каталог оказал огромную помощь в изучении проблемы Восточного участка китайско-русской границы». Что касается нашей работы по теме «Россия и Китай», то ввиду большого объема собранных материалов на русском языке принято решение издавать ее отдельными выпусками. В настоящее время завершены первые выпуски по истории Китаеведения в России и о российских путешествиях и экспедициях в Китай. В ОЛСАА с 2006 г. работы библиографического плана издаются в серии «Библиография Востока».

В области информационно-библиографической работы особое внимание уделяется созданию электронной базы данных китайской периодики и китайских монографий (подготовлена БД китайской периодики в Excel, создается БД китайских монографий в «Ирбис-64»). Также важное место в работе Китаеведов отдела всегда занимала организация книжно- иллюстративных выставок по Китаю (в том числе: «Китайский поэт Ду Фу (712–770): к 2275-летию со дня

рождения», «Издательская деятельность КНР в 80–90-е гг. XX в. : к 39-годовщине образования КНР» (800 печат. ед.), «Китай в популярных и научно-художественных изданиях XIX — начале XX в.», «Отечественные публикации по истории русско-китайских связей на рубеже XX–XXI вв.», «Издания КНР начала XXI в.» и др.).

Научная работа

В ОЛСАА БАН проводится научно-исследовательская работа по темам: «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки» (с 90-х гг. XX в. она трансформировалась в тему «Восток и книга») и «Раскрытие историко-культурных фондов БАН и других библиотек С.-Петербурга» по направлениям «Россия и Восток», «Духовная культура Востока». По этим темам проводятся конференции, издаются сборники статей. В частности, в сборниках отдела «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки»²⁰, а также сборниках БАН были опубликованы статьи о национальной библиографии в КНР, об Обязательном экземпляре в КНР, об опыте работы современных китайских библиотек, реформах в области издательского дела КНР в 80-е гг. XX в., об альбомах китайской живописи в фондах БАН, вопросах сохранности фондов в китайских книгохранилищах и т.д. Материалы по Китаю также прозвучали на юбилейных конференциях отдела «Восток и книга» в 1993 и 2003 г. и также были включены в сб. статей отдела. С докладами по информатике на юбилейной конференции 1993 г. выступили гости из КНР — проф. Се Цзили из Китайского Народного университета (о системе информационной работы в Китайском Народном Университете), проф. Чжао Гоци и Мэн Цихай — из ЦДИ АОН КНР (о разработке теории и методики общественно-научной информации в Китае и об организации библиотек сети Академии общественных наук КНР). В 1999 г.

в БАН был проведено заседание секции «Россия и «Китай» в рамках городской конференции, посвященной 50-й годовщине образования КНР (материалы вошли в сб. тр. конф., изданный СПбГУ)²¹, в 2003 г. состоялась конференция «Россия и Китай» в связи с юбилеем отдела (часть материалов была опубликована в «Вестн. Вост. ин-та»²². Среди наиболее заметных издательских проектов последних лет по Китаю — выход в свет в 2009 г. сборника научных статей «Россия и Китай»²³ и издание впервые в 2010г. книги акад. В.М. Алексева «Рабочая библиография китаиста»²⁴ (ответственный составитель обоих изданий Т.И. Виноградова). В сборник «Россия и Китай» вошли публикации петербургских, московских и зарубежных китаеведов по методике изучения русско-китайских отношений, архивные изыскания, статьи по проблемам политики и общества, искусству и литературе, а также персоналия. «Рабочая библиография китаиста», написанная крупнейшим синологом с мировым именем В.М. Алексеевым, является первой рекомендательной библиографией синологической литературы. Это издание также включает обширную статью акад. Б.Л. Рифтина о новейшей справочной литературе по китаистике. В 2011 г. эта книга была удостоена премии за лучший издательский проект. Два последних издания вышли в свет в так называемой «зеленой серии» БАН «Rara orientalia» («Восточные редкости»), которая ставит своей задачей издание в БАН материалов по Востоку. (Выше уже упоминалась работа по подготовке библиографического пособия «Россия и Китай (XVII — начало XXI в.)»).

Сотрудники

Следует сказать о сотрудниках отдела, усилиями которых создавалось и продолжает развиваться китаеведческое направление в ОЛСАА БАН.

Представители старшего поколения китаистов отдела учились на Восточ-

ном факультете ЛГУ в конце сороковых — начале пятидесятых годов и застали, можно сказать, золотой век нашего востоковедения. Среди китайистов в то время преподавали акад. В.М. Алексеев, проф. Г.Ф. Смыкалов, экономист проф. В.М. Штейн, начинали работать молодые талантливые выходцы из русского Китая В.А. Вельгус, Н.А. Спешнев. Традиционное классическое преподавание на Восточном факультете ЛГУ не только давало широкое востоковедное образование, но и с самого начала позволяло и даже вынуждало погружаться в мир Востока. Особое внимание уже с первого курса уделялось чтению классических текстов (для китайистов — с комментариями такого ученого, как В.М. Алексеев, по воспоминаниям его учеников, иногда небольшой отрывок читался и «разбирался» в течение нескольких месяцев). Учили относиться с уважением к тем, кого изучаешь. Приучали к тщательности, дотошности, научной добросовестности. К тому же это был период особенно тесных отношений с Народным Китаем.

Как уже отмечалось, первыми сотрудниками-китаеводами были члены группы подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам, которую в 1953–1960 гг. возглавлял китаевед, историк-медиевист **Георгий Яковлевич Смолин** (1930–2011). Г.Я. Смолин окончил восточный факультет в 1953 г. Георгий Яковлевич оставил заметный след в БАН, после защиты кандидатской диссертации он стал ученым секретарем БАН (1960–1962 гг.). С 1962 г. работал на Восточном факультете. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Антифеодалные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в.». Д.и.н. профессор Смолин с 1981 по 1997 г. возглавлял кафедру истории стран Дальнего Востока на Восточном факультете ЛГУ — СПбГУ. При этом Георгий Яковлевич всегда продолжал поддерживать тесные отношения с БАН и Отделом, долго был членом Ученого совета Библиотеки РАН, во многом при его участии и поддержке решались

многие важные и принципиальные для Отдела вопросы, в том числе кадровые, в области научной и библиографической работы. С самого начала в группе рефератов работали также китаеведы к.и.н. **Иосиф Владимирович Кудрин**, **Игорь Иванович Тутов** и к.ф.н. **Софья Михайловна Кочетова**. После расформирования группы В.И. Кудрин работал в Отделе систематизации БАН, оказывал консультативную помощь сотрудникам ОЛСАА в реорганизации систематического каталога востоковедной литературы по библиотечно-библиографической классификации. И.И. Тутов перешел на некоторое время в Отдел советского комплектования БАН, а впоследствии работал переводчиком-информатором японской технической литературы. С.М. Кочетова работала в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

Первым библиотечным работником-китаеведом в ОЛСАА была **Нина Ивановна Дерябина**. Она пришла в Отдел вскоре после его основания, когда официально назначенного заведующего отделом еще не было. Работу отдела курировал зам. директора по научной работе А.Х. Рафиков, вместе с ним Нина Ивановна фактически делала первые важные шаги по созданию Отдела, читального зала и проявляла во всем большую ответственность и организованность. Впоследствии работала в качестве заведующей библиотекой Ленинградского отделения Института этнографии АН (сейчас МАЭ РАН). В области комплектования китайской литературы активно и плодотворно работал сотрудник Отдела комплектования иностранной литературы БАН (ОКИЛ) китаевед-историк **Борис Григорьевич Доронин**. Б.Г. Доронин поступил на работу в сектор Международного книгообмена ОКИЛ в марте 1955 г. после окончания аспирантуры на Восточном факультете ЛГУ и проработал там 13 лет. С января 1968 г. он стал преподавать на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета. Впоследствии стал доктором исторических наук,

профессором кафедры, специалистом в области историографии и источниковедения Китая. В 50–60-е гг., в том числе, во многом благодаря и его усилиям и энтузиазму, БАН удалось сформировать интересный и представительный китайский фонд. В период работы Б.Г. Доронина на Восточном факультете контакты с Борисом Григорьевичем сохранились, и сотрудники Отдела неоднократно прибегали к его содействию и консультациям по разным вопросам — в области библиографической работы, комплектования, непосредственным связям с китайскими учреждениями и т.д.

Непродолжительное время в отделе работали **Т.А. Тарасова** и **Л.И. Павловская** (1926–2002). Впоследствии Т.А. Тарасова перешла на работу в Гос. ин-т бытовой химии (ГИПХ), где была переводчиком-информатором японской технической литературы, оставаясь постоянным читателем отдела и до сих пор читателем БАН, Л.И. Павловская перешла на работу в ЛО ИВАН, в 1975 г. защитила там диссертацию на тему: «Пинхуа — народно-исторический роман (на материале «Заново составленного пинхуа по истории пяти династий»). (Очень недолго в отделе также работали **В. Полякова** и **Н. Башкина**, которые ушли из востоковедения).

Сотрудниками-китаеводами, проработавшими в Отделе практически всю трудовую жизнь и внесшими особенно весомый вклад в его работу, были китаеведы-филологи Елена Александровна Крылова (1929–2006), Татьяна Николаевна Холмовская и уроженка Китая Нажина Костюченко (Нажингова Фу).

Елена Александровна Крылова (1929–2005) один из старейших сотрудников отдела. Она поступила на работу в БАН в 1955 г. и была у истоков основания отдела, одним из его организаторов. Е.А. Крылова была одним из наиболее знающих, добросовестных и творчески работающих библиотекарей. Е.А. Крылова закончила школу с золотой медалью и поступила на восточный факультет ЛГУ, который она закончила также с отличием

в 1953 г. по отделению китайской филологии. После университета Елена Александровна работала некоторое время в Туркестанском военном округе, затем преподавала английский язык в школе в пос. Курковицы Ленинградской области, в 1955 г. поступила на работу в ОЛСАА БАН. В 70–80-е гг. она работала также переводчиком-информатором с японского языка, а в начале 90-х снова пришла в свой отдел в академическую библиотеку. Это был период, когда вновь активизировались отношения с Китаем, в больших количествах стала поступать литература на китайском языке. Елена Александровна долгое время была основным каталогизатором китайских монографий отдела, участвовала в подготовке выставок и конференций, проводила увлекательные и насыщенные информацией экскурсии для студентов Восточного факультета СПбГУ, принимала участие на начальном этапе в библиографической работе по теме «Россия и Китай». Знающий китаевед, широко образованный человек и прекрасный библиотекарь, Е.А. Крылова также была великолепным редактором и стилистом. Она легко находила общий язык с молодыми сотрудниками, к ней привычно обращались за практически и научными советами. Ее особенно увлекала тема популяризации в России знаний о Китае и о Востоке в целом, изучение в этих целях старых изданий, того, как в них «показывали» Восток для «рядового читателя», «обывателя», каким виделся Восток в восприятии не только специалиста-востоковеда или профессионального путешественника, но и глазами рядового гражданина Российской империи. По этой теме ею были подготовлены книжно-иллюстративные выставки, сделан доклад, а затем и статья на основе семейного архива²⁵. Она была также совершенно незаменима при общении с иностранными гостями библиотеки. В ее гостеприимном доме на Фонтанке (угол Невского) с видом на Аничков дворец часто принимались иностранные гости отдела. Наши коллеги из Библиотеки

Академии общественных наук КНР, как правило, пользовались гостеприимством Елены Александровны. Мне кажется, ее возможности как китаеведа, к сожалению, остались во многом нереализованными.

Нажина Костюченко (Нажингова Фу) поступила на работу в ОЛСАА БАН в 1958 г. До этого она закончила Пекинский Институт иностранных языков по специальности «русский язык» и работала в качестве переводчика с русского языка в разных учреждениях КНР (Общество Китайско-советской дружбы в г. Баотоу, Агентство Синьхуа, г. Пекин). В ОЛСАА БАН Нажина Костюченко занималась каталогизацией и комплектованием китайской, монгольской и вьетнамской литературы, принимала участие по этим направлениям в подготовке библиографических пособий, имеет публикации по раскрытию историко-культурных фондов отдела и о библиотечном деле в КНР в период реформ. После выхода на пенсию в 1992 г. продолжает поддерживать контакты с отделом, оказывает помощь в приеме китайских делегаций. Более подробно о Нажине Костюченко.

Татьяна Николаевна Холмовская стала работать в ОЛСАА с 1960 г. После окончания средней школы в 1947г. она поступила на восточный факультет ЛГУ, который закончила с отличием и продолжила учебу в аспирантуре по китайскому языкознанию. У нее были опубликованы перевод китайской сказки, ее перевод о китайском огнестрельном оружии вошел в ее совместную статью с В.Б. Виллинбаховым, которая упоминается в недавнем издании «Духовная культура Китая» (2010. Т. 5)²⁶, а статья по грамматике вошла в список использованной литературы в недавнем грамматическом исследовании²⁷, ее публикации по китайскому синтаксису были включены в список рекомендательной литературы для студентов ЛГУ. После окончания аспирантуры Татьяна Николаевна преподавала русский язык китайским учащимся, некоторое время работала в би-

блиотеке Восточного факультета, входившей в состав Научной библиотеки им. А.М. Горького при ЛГУ, а в 1960 г. пришла на работу в ОЛСАА в группу подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам. Несколько позже Татьяна Николаевна переключилась на работу, связанную с подготовкой аннотированных списков японских журналов по естественным наукам, приобрела ценный опыт библиографической работы в процессе подготовки изданий отдела по справочным и журнальным фондам научных библиотек Ленинграда по Востоку. В течение почти 12 лет, с 1975 г. до марта 1987 г. Татьяна Николаевна возглавляла Отдел литературы стран Азии и Африки БАН. Этот период совпал с получением Библиотекой РАН статуса научно-исследовательского института. От отдела потребовались поиски новых направлений работы. Татьяна Николаевна совместно с заместителем директора БАН Ксенией Владимировной Лютовой активно занялась продвижением в отделе научной тематики, связанной с изучением национальной библиографии, издательской деятельности и библиотечного дела стран Азии и Африки. Под руководством К.В. Лютовой и Т.Н. Холмовской в 1985 г. был издан первый сборник научных трудов «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки». Сотрудники отдела стали участвовать в конференциях по этой тематике, в частности сама Татьяна Николаевна успешно выступила на I Всесоюзной конференции по обязательному экземпляру. Эта чрезвычайно важная и полезная работа дала толчок к дальнейшему развитию в отделе научно-исследовательской работы, связанной с изучением восточной книги, историко-культурных фондов. Татьяна Николаевна способствовала подготовке диссертаций сотрудниками отдела, отдавала много внимания и энергии воспитанию молодых кадров. (В частности, для автора настоящей статьи в дальнейшей

работе оказались весьма полезными знания и навыки научной систематизации литературы, приобретенные в ходе порученной ей Татьяной Николаевной работы по систематизации русскоязычных и западноевропейских востоковедных фондов отдела по схеме Библиотечно-библиографической классификации). Татьяна Николаевна, будучи человеком чрезвычайно пунктуальным, внимательным и организованным, много сил уделяла также упорядочению документации отдела. Она успешно продолжила традиционную для отдела работу по подготовке каталогов по периодическим изданиям и справочной литературе в иностранных фондах библиотек Петербурга. Так, важным завершающим этапом в административной деятельности Татьяны Николаевны была большая подготовительная работа к изданию второго выпуска «Каталога справочной литературы по странам Азии и Африки. Иностранные фонды БАН и ГПБ», который включал публикации 1968–1984 гг. После выхода на пенсию Татьяна Николаевна продолжала оставаться ответственным редактором каталога. Он вышел в свет в 1992 г., а в 1994 г. получил I премию на конкурсе работ по библиографии и библиотековедению в Российской академии наук. В начале 90-х гг. Т.Н. Холмовская принимала участие в каталогизации в РНБ личной библиотеки выдающегося китаеведа (и своего сокурсника) В.В. Петрова, поступившей в фонды ОЛСАА РНБ. С осени 1996 г. Татьяна Николаевна продолжила сотрудничество со своим отделом, активно подключившись к участию в библиографической работе ОЛСАА БАН по подготовке библиографического пособия «Россия и Китай. XVII – начало XXI в.». Т.Н. Холмовской была проделана большая работа по подготовке этого труда. Ею собран многообразный материал по разным направлениям русско-китайских связей. Так, следует особенно отметить проделанную ею работу по разделу «Переводы китайской литературы на русский

язык». На данном этапе работы Татьяна Николаевна выявила практически все новые публикации до начала 2000-х гг., не вошедшие в изданные до того библиографические указатели по этой теме. Она также принимает активное участие в методической работе по каталогу, разработке схемы систематизации. Татьяна Николаевна настояла на росписи практически всех имеющихся библиографических изданий для раздела «Персоналии». Ею также была добавлена обязательная рубрика по истории той или иной области изучения Китая в России (филологии, истории и т.д.). Эти предложения были приняты. В настоящее время Т.Н. Холмовская самым активным образом участвует в подготовке первого выпуска библиографического издания «Россия и Китай» — «Российское китаеведение». В ходе работы по каталогу ею были опубликованы статьи об имеющихся в фондах БАН изданиях переводов китайской литературы на русский язык и об истории переводов²⁸, о преподавании русского языка в Китае²⁹. Ею также был сделан перевод краткого «Предисловия» [Сюйянь] к китайскому изданию каталога по русско-китайским отношениям.

В конце 80-х — начале 90-х гг. в Отдел пришло новое поколение китаистов — выпускников кафедры истории стран Дальнего Востока. С 1987 г. в ОЛСАА БАН работает китаевед-историк **Владимир Егорович Шишкин**. Это время совпало с возобновлением и оживлением после долгого перерыва контактов с КНР. Первые годы В.Е. Шишкин много занимался обработкой китайских монографий, которые вновь начали поступать в Отдел. Но особенно ярким и значительным моментом в его тогдашней «библиотечной» биографии было комплектование китайской литературой. В.Е. Шишкин и работавшая тогда в библиотеке ЛО ИВАН известный специалист-переводчик китайской литературы Изольда Эмильевна Циперович на добровольных началах консультировали сотрудников существовавшего тогда

в Ленинграде магазина книги социалистических стран «Мир» и благодаря этому обстоятельству могли отбирать в свой отделы значительное количество китайской литературы. Оба проявляли огромный энтузиазм и не жалели ни времени, ни сил. В 1987 г. Владимир Егорович за свой счет съездил в Москву, когда узнал о поступлении в аналогичный книжный магазин в Москве «Дружба» большой коллекции китайской литературы в связи с 39-й годовщиной КНР и убедил сотрудников магазина в целесообразности приобретения коллекции полностью БАН. К годовщине образования КНР в БАН состоялось торжественное открытие выставки (свыше 800 печатных единиц), на котором присутствовал атташе по культуре Генерального Консульства КНР в Ленинграде. После длительного перерыва это был первый визит официального представителя КНР в БАН. В.Е. Шишкин прошел обучение в аспирантуре ЛГИК (по истории книгоиздательского дела в КНР в период реформ 80–90-х гг. прошлого века), имеет публикации по этой теме, в течение года преподавал русский язык в г. Ланьчжоу (КНР). Он прекрасно владеет китайским языком (одинаково уверенно в области как устных, так и письменных переводов). С начала 90-х гг., когда в БАН расширились контакты с учреждениями Китая, Владимир Егорович стал совершенно незаменим в качестве переводчика и сопровождающего делегации. Он участвовал в переговорах по обсуждению и заключению документов о сотрудничестве с ЦДИ АОН КНР и по подготовке Протокола о намерениях и проспекта библиографического пособия «Россия и Китай» с Институтом новой истории АОН КНР, переводил тексты договоров, материалы по этому изданию — письма из КНР, схемы по систематизации, довольно объемное Введение [Цяньянь] к изданному в Китае каталогу по русско-китайским отношениям, посвященное истории изучения в Китае русско-китайских связей и некоторым базовым подходам в подготовке каталога. В 2009г. в БАН было

осуществлено впервые в России переиздание альбома В. Жиганова «Русские в Шанхае»³⁰. В.Е. Шишкин также принял некоторое участие в этой работе в качестве переводчика текста предисловия на китайский язык. Он с увлечением отнесся к внедрению компьютерной техники в отдел, в настоящее время в основном занимается созданием электронной БД фондов китайской периодики и китайских монографий. В.Е. Шишкин также периодически привлекается к участию в ответственных мероприятиях Санкт-Петербурга в области российско-китайских связей. Так, он участвовал в качестве соведущего и переводчика в представлении нашим зрителям оперы *Повесть о девушке Мулань* в Мариинском театре осенью 2010 г., в качестве переводчика — в переговорах мэра Пекина (Го Цзиньлун) с правительством Санкт-Петербурга³¹.

В 90-е гг. в Отделе также работали молодые выпускники кафедры истории стран Дальнего Востока китаеведы **Дарья Владимировна Руденко** и **Анастасия Жановна Жукова (Тойберт)**, монголовед **Елена Борисовна Федотова** и монголовед-тибетолог **Екатерина Николаевна Афонина** (до поступления на Восточный факультет университета Д.В. Руденко и Е.Б. Федотова окончили специализированный китайский интернат). Д.В. Руденко и А.Ж. Тойберт проходили практику в КНР в конце 80-х гг. (в Пекине и Чунцине), в отделе занимались, в основном, каталогизацией китайской литературы, активно участвовали в приеме китайских делегаций. У них были также свои научные интересы: А.Ж. Тойберт занималась изучением русско-китайских отношений периода переговоров по КВЖД и материалов по Ли Хунчжану, Д.В. Руденко — историографией Китая по вопросам модернизации второй половины XIX в.³² Е.Б. Федотова и позже Е.Н. Афонина, наряду с каталогизацией монгольского фонда, вели фонд китайской периодики. А.Ж. Тойберт, Д.В. Руденко и Е.Н. Афонина в той или иной степени

принимали участие и в библиографической работе по теме «Россия и Китай» (в том числе — поиск материалов по топографическому каталогу в библиотеке в СПбФ ИВРАН, роспись периодических изданий). К сожалению, в силу разных обстоятельств эти энергичные и толковые сотрудники впоследствии ушли из отдела. Также в 90-е гг. (с 1993 по 1997 г.) в ОЛСАА работала **Г.П. Максимова**, китаевед по образованию и до поступления на работу в отдел многолетний читатель ОЛСАА БАН (как переводчик-информатор по японской технической литературе в Институте (КБ) аналитического приборостроения АН). Она первоначально (в 1993–1995 гг.) занималась обработкой китайских и других газет отдела, а затем некоторое время занималась библиографической работой по теме «Россия и Китай» (в частности, составление картотеки по Русскому Зарубежью по фондам бывшего Спецхрана³³). Около двенадцати лет (с 1995 г. до 2007 г.) в Отделе также работал талантливый выпускник кафедры истории Средних веков исторического факультета СПбГУ д.и.н. **Николай Сергеевич Горелов** (1983–2008), специализировавшийся в области истории изучения контактов Европы и Востока. В 2006 г. он защитил докторскую диссертацию по теме: «Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов», в которой также рассматривались материалы, относящиеся к Китаю. В отделе Н.С. Горелов занимался комплектованием литературы для фонда по востоковедению на русском и западноевропейских языках. Он был неизменным участником всех конференций и сборников Отдела по темам «Россия и Восток», «Книга на Востоке», широко привлекая, в том числе, и материалы по Китаю, активно участвовал в подготовке конференций и выставок. Всегда охотно и квалифицированно консультировал коллег по разным вопросам историографии и источниковедения стран

Востока, помогал сориентироваться в многообразии публикаций по мировой истории и культуре.

С 2005 г. по 2011 г. в плановой работе отдела по теме «Россия и Восток» (включая и Китай) принимала участие канд. филос. наук **Татьяна Николаева Лебединская**. Т.Н. Лебединская еще с 70-х гг. стала изучать особенности культурных связей и взаимовлияний Востока с европейскими культурами, в тот период — преимущественно арабско-украинские связи и отчасти арабско-русские связи. В 2006 г. она приняла участие во II Международной конференции «Россия и тюркский мир», организованной совместно ОЛСАА БАН и Востфаком СПбГУ. В соответствии с планом ОЛСАА Т.Н. Лебединская занималась росписью популярных, художественных и иллюстративных периодических изданий XIX в., отбирая публикации по Востоку, в т.ч. и по Китаю, которые до сих пор не получили отражения в имеющихся библиографических трудах. В ОЛСАА БАН планируется к изданию при ее участии библиографический указатель «Восток в журнале “Библиотека для чтения”» и публикация выполненной ею росписи журнала «Всемирная иллюстрация (1869–1898)» по теме «Китай и русско-китайские связи». В 2007 г. в Отдел пришла в качестве заведующей китаевед, к.и.н. **Татьяна Игоревна Виноградова**. Т.И. Виноградова закончила Восточный факультет СПбГУ по кафедре китайской филологии в 1984 г. и почти сразу после его окончания начала работать в системе БАН. После непродолжительной работы в Генеральном каталоге Татьяна Игоревна стала работать как китаевед в библиотеке Ленинградского (Петербургского) филиала Института востоковедения АН СССР (в настоящее время Институт восточных рукописей РАН), пройдя все ступени работы сотрудника-китаеведа в научной библиотеке — инвентаризатор китайских фондов, каталогизатор, зав. Сектором, научный сотрудник. В 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию

по теме «Китайский народный театр на китайской народной картине (театральные *няньхуа* как источник изучения традиционной культуры Китая)». Придя в ОЛСАА, Т.И. Виноградова стала уделять особенно серьезное внимание организационным вопросам по актуальной в настоящее время проблеме — подготовке электронных баз данных востоковедных фондов отдела (в том числе, и участвуя лично в каталогизации и создании БД фондов на китайском и корейском языках и приобретении грантов по этой теме). Также Т.И. Виноградовой осуществляются важные издательские проекты. Так, еще в бытность свою в библиотеке ИВР она подготовила к изданию специальный выпуск Вестника Восточного института, посвященного переводчику китайской литературы и сотруднику библиотеки ПФ ИВРАН китаеведу И.Э. Циперович (2001)³⁴. Работая в ОЛСАА БАН, Т.И. Виноградова подготовила в качестве ответственного составителя и автора предисловия уже упоминавшийся выше сборник научных статей «Россия и Китай» (2009)³⁵. Также в 2010 г. при активном участии Т.И. Виноградовой было, наконец, осуществлено издание труда акад. В.М. Алексеева «Рабочая библиография китаиста»³⁶, долгое время пролежавшего в архиве (для этого издания Т.И. Виноградова подготовила объемный справочный аппарат, была составителем книги и автором предисловия). Собственные научные интересы Т.И. Виноградовой связаны преимущественно с исследованием китайского искусства (народная картина — *няньхуа*) и истории китайской книги. В 2012 г. вышла в свет ее монография «Китайская литературная иллюстрация». Т.И. Виноградова имеет около 40 публикаций, ежегодно представляет БАН на международных, всероссийских и городских конференциях: «Общество и государство в Китае» в ИВАН в Москве, «Историография и источниковедение стран Азии и Африки» и «Литературы стран Дальнего Востока» на Восточном

факультете СПбГУ, конференциях БАН по сохранности фондов и др. Она также активно работает в области международных контактов, приеме китайских делегаций, что по-прежнему остается актуальным для отдела. Т.И. Виноградова является членом Европейской ассоциации библиотекарей-синологов. В 2009 г. она вместе с китаеведом из Москвы акад. Б.Л. Рифтиным (ИМЛИ) и преподавателями СПбГУ проф. Н.А. Спешневым и доц. А.А. Родионовым представляла нашу страну на конференции в г. Тяньцзинь (КНР) «Литература — мост, связывающий души китайского и русского народов». На этой конференции Т.И. Виноградова выступила с докладом «Как при помощи китайской театральной картины сделать понятными русскому читателю образы классической китайской литературы». На Международном симпозиуме «Изучение китайской народной картины», который состоялся в Тяньцзиньском университете 4–6 ноября 2011 г., Т.И. Виноградова выступила с презентацией на китайском языке по теме «Материалы, собранные В.М. Алексеевым во время путешествия по Китаю в 1909–1912 гг. в фондах библиотеки ИВР РАН». Она также часто выступает в качестве оппонента или автора внешних отзывов на диссертации по китаеведению в разных научных учреждениях и вузах.

Читатели

Как уже отмечалась выше, на первом этапе работы ОЛСАА в 50 — начале 60-х гг. подавляющее число читателей китайской литературы составляли студенты и аспиранты из КНР, а также наши студенты, преподаватели, научные сотрудники. Со второй половины 60-х гг. количество читателей китайской литературы снизилось, поскольку прекратилось обучение китайских граждан в наших ВУЗах, хотя по-прежнему Отдел активно посещали советские студенты и аспиранты, преподаватели Восточного факультета, сотруд-

ники востоковедных учреждений. Часто в отделе бывали и «ленинградские» китайцы — китайские специалисты, окончившие наши ВУЗы и проживающие в Ленинграде, выходцы из русского Китая или имевшие частично русские корни (в том числе, Цзян Шилунь, известный художник направления традиционной китайской живописи Гохуа, геолог, канд. геол. наук. Дун, этнограф и археолог из СО АН Чжан Яцин, преподаватель Восточного факультета канд. филол. наук. Пан Ин, переводчик-информатор НИИ нефтехимии Н.И. Попович и др.). Таким образом, даже в «глухие» 70-е гг. в отделе в живом общении сохранялась атмосфера, наполненная «китайским колоритом». В 80-е гг. постепенно профиль чтения стал заметно меняться. Практически во всех советских научно-промышленных объединениях (НПО) в 70–80-х гг. функционировали отделы научно-технической информации (ОНТИ). Среди переводчиков-информаторов почти в каждом ОНТИ были японисты, однако по мере развития китайских реформ уже в 80-е гг. постепенно стал проявляться и интерес к китайской технической и научно-естественной литературе. После очень незначительного комплектования из Китая конца 60 — начала 80-х гг. постепенно стало расти количество поступлений из КНР примерно со середины 80-х гг., прежде всего, научных периодических изданий. При этом становились востребованными периодические издания по естественным и точным наукам на китайском языке (на втором месте после японских, на третьем месте по этой тематике были публикации на корейском языке). Во всяком случае, каждую неделю были 1–2 заявки на естественнонаучную статью на китайском языке. Примерно к середине 90-х гг. в связи с общей ситуацией в отечественной промышленности и науке в первую очередь стали закрываться ОНТИ, в большинстве НИИ и предприятий они фактически прекратили свое существование, а профессия информатора — переводчика с восточных языков — перестала

быть массовой. Зато стал заметен интерес к восточным культурам, традиционной медицине, традиционным боевым искусствам, философии, киноискусству и т.д. Расширился прием на Восточный факультет СПбГУ, были созданы новые вузы, программы по изучению китайского языка появились во многих учебных заведениях. Это способствовало росту читателей гуманитарной научной и популярной литературы. Можно сказать, что в последнее десятилетие читательские запросы на литературу на китайском языке в области техники, естественных наук, с одной стороны, и общественных наук, популярной литературы, с другой уравнились. Общее количество читателей ОЛСАА (в том числе, китайской литературы) меньше, чем в XX в. (возможно, это вызвано недостаточным количеством средств на развитие комплектования). Но оно продолжает оставаться стабильным, а литература на китайском языке — от археологии до химии — весьма востребована.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смолин Г.Я. Библиотека Академии наук СССР и Китай // Научные и культурные связи Библиотеки Академии наук СССР со странами зарубежного Востока: сб. докл., зачитанных на науч. конф. Библиотеки АН СССР 24–25 ноября 1955 г. / Академия наук СССР, Библиотека; отв. ред. С.П. Лупшов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 22.

² Смолин Г.Я. Указ. соч. С. 22. (через Отдел иностранного комплектования БАН осуществлялось комплектование китайской литературой ОЛСАА и библиотеки при ЛО ИВАН).

³ Там же, с. 22–23.

⁴ Автор благодарит за предоставленные сведения о фондах ОЛСАА БАН на китайском языке сотрудника ОЛСАА гл. библиотекаря В.Е. Шишкина и зав. ОЛСАА Т.И. Виноградову.

⁵ Автор выражает признательность сотрудникам НИОР БАН д.и.н. Н.Ю. Буб-

нову и гл. библиотекаря Л.Б. Беловой, которые предоставили данные о рукописях путешествия Николая Спафария в НИОР БАН.

⁶ Описание рукописного отдела БАН СССР. Т.3, вып.2. Исторические сборники XV–XVII в. / сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская; отв. ред. В.А. Петров; Академия наук СССР, Библиотека. М.; Л. : Наука, 1965. 362 с. О рукописи путешествия Сафария : с. 203–205.; Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX в. / сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева; Академия наук СССР, Библиотека. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. 418 с.

⁷ См., например, Библиотека Петра I: указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л. : БАН, 1978. 214 с.; Каталог библиотеки Петра I / сост. И.Н. Лебедева. СПб.: БАН, 2003. 432 с. Упомянувшиеся выше работы С.П. Лупшова, А.Х. Рафикова, ст. в наст. сб. Т.Ф. Филипповой.

⁸ Китай // Периодические издания стран Азии и Африки : естеств. и тех. науки : каталог поступлений в фонды Библиотеки АН СССР и Государственной публичной Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 2-х ч. Ч. 2. Страны Азии / Библиотека АН СССР; отв. ред. С.С. Булатов. Л. : БАН, 1984. С. 67–71.

⁹ Китай // Периодические издания стран Азии и Африки по общественным наукам. В 3-х кн. Кн. II, ч. I. Китай. Корея. Монголия. Сянган / Библиотека АН СССР, Гос. публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Науч. библиотека им. М. Горького при Ленингр. Гос. ун-те.; отв. ред. Т.А. Ваганова. Л.: БАН, 1981. С. 13–198.

¹⁰ Китайская Народная Республика // Справочная литература по странам Азии и Африки : сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1945–1968 / под ред. Т.А. Вагановой и

С.С. Булатова. Л.: Издат. отд. Библиотеки АН СССР, 1972. С. 168–272.

¹¹ Китай // Справочная литература по странам Азии и Африки : сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1969–1988. В 3-х кн. Кн. II, ч. I. Юж. и Юго-Вост. Азия. Китай. Корея. Монголии. Сянган / редкол.: В.В. Бакалюк, А.С. Калиянц, Ю.В. Мартин, Г.З. Пумпян, Т.Н. Холмовская (отв. ред.). Л.: БАН, 1991. С. 160–276.

¹² С российской стороны Протокол подписали директор БАН проф. В.П. Леонов и зав. ОЛСАА БАН Г.З. Пумпян, с китайской стороны — директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн и заместитель директора Сюй Хуйци.

¹³ Кычанов Е.И. Образ Китая в России XVII в. // Вестн. Вост. ин-та. 1997. Т. 3, № 2(6). С. 70.

¹⁴ Рабочие документы (включая предварительные варианты схем систематизации, предоставленные по переписке в ходе работы и в окончательном издании, а также переписка) переводились сотр. ОЛСАА В.Е. Шишкиным.

¹⁵ Перевод заглавия издания и транскрипция сделаны гл. библиотекарем ОЛСАА В.Е. Шишкиным.

¹⁶ Предисловие = [Сюйянь] // Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17–20 в. Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. С. 1–2. Пер. предисловия с кит. яз. вып. Т.Н. Холмовской.

¹⁷ Введение = [Цяньянь] // Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17–20 в. — Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. С. 1–6. Пер. введения с кит. яз. вып. В.Е. Шишкиным; также В.Е. Шишкиным выполнен пер. схем систематизации в издании.

¹⁸ Сюе Сяньтянь. История и современное состояние китайско-русских отношений : от трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» / Сяньтянь Сюе, Цзинхэ Луань //

Проблемы Дальнего Востока, 2002. № 5. С. 26–38.

¹⁹ Сюе Сяньтянь. Предисловия к русскому изданию : I. Профессора А.К. Соколова (ИРИ РАН); II. Профессора Сюе Сяньтяня (ИНИК АОНК) // Ван Ци. Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных ученых / пер. с кит. Ю. Семенова. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. С. 14–17.

²⁰ См., напр.: Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки : сб. науч. тр. / БАН; редкол.: К.В. Лютова (отв. ред.), Т.Н. Холмовская. СПб., 1985; Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии, Африки и Лат. Америки : сб. науч. тр. / БАН; редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.), Г.З. Пумпян. СПб. 1988; Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки : сб. науч. тр. / БАН; редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.), Г.З. Пумпян. СПб., 1992.

²¹ Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной республики. 27–28 октября 1999 г. Санкт-Петербург / Восточный фак-т СПбГУ, Администрация Санкт-Петербурга. СПб, 1999. 112 с. — Включ. доклады, прочитанные на заседании секции «Россия и Китай» в Библиотеке РАН (Горелов Н.С., Киселева Г.Б., Красникова О.А., Руденко Д.В., Холмовская Т.Н., Полотовская И.Л.).

²² Материалы конф. «Россия и Китай». БАН, 2–3 дек. 2003г. // Вестн. Вост. ин-та / гл. ред. Е.И. Кычанов; отв. ред. В.П. Леонов, Н.В. Колпакова, Г.З. Пумпян. СПб., 2005 (2004). Т. 10. № 1–2 (19–20). 93 с.; Вестн. Вост. ин-та / гл. ред. Е.И. Кычанов; отв. ред.: В.П. Леонов, Н.В. Колпакова, Г.З. Пумпян. СПб., 2003 (2004). Т. 9. № 1–2 (17–18). 116 с. Содерж.: докл., прочитанные на юбилейных конф. ОЛСАА в 1993 и 2003 гг. по истории книги Дальнего Востока и Южной и Юго-Восточной Азии.

²³ Россия и Китай: сб. науч. ст.: 60-летию образования Китайской Народной Республики посвящается / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2009. 214 с. (Rara orientalia).

²⁴ Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста : книга руководства для изучающих язык и культуру Китая / отв. ред. Б.Л. Рифтин; пред. редколлегии В.П. Леонов; рук. серии Н.В. Колпакова; отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН : Альфарет, 2020. 504 с. (Rara orientalia).

²⁵ Крылова Е.А. Япония в частном письме россиянина в начале XX в. (из семейного архива) // Россия и Япония : сб. ст. СПб. : БАН: Альфарет, 2007. 310 с., 45 ил. С. 294–299. — Исп. письмо начала XX в. об экскурсионной поездке на Восток, в Японию, бывшего ссыльного, учителя школы в Благовещенске Н.З. Пузырева, организованной безвозмездно для жителей Приамурского края, видимо, около 1914 г., с коммент. Е.А. Крыловой.

²⁶ Духовная энциклопедия Китая : энциклопедия. В 5 т. / глав. ред. М.Л. Титаренко; редкол.: А.И. Кобзев (зам. глав. ред.), А.Е. Лукьянов (зам. глав. ред.) и др.; Российская академия наук, Ин-т Дальнего Востока. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. С. 661. — Ссылка на ст.: Виллинбахов В.Б. «Огневое оружие» Средневекового Китая / В.Б. Виллинбахов, Т.Н. Холмовская // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1960. Вып. 1. С. 64–73.

²⁷ Шатравка А.В. Спорные вопросы классификации служебных слов в современном китайском языке. Благовещенск: АмГУ, 2009. — В сп. использованной литературы включ. ст.: Холмовская Т.Н. Включающее предложение в современном китайском языке // Сб. вопросов филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М.: Вост. лит., 1962. С. 30–41.

²⁸ Холмовская Т.Н. Переводы китайской литературы на русский язык в фондах БАН (XVIII–XX вв.) / Т.Н. Холмовская, Д.В. Руденко // Вестн. Вост. ин-та. 2001. Т. 7. №1. С. 47–55.

²⁹ Холмовская Т.Н. Русский язык в Китае // Россия и Китай: сб. науч. ст. / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарт, 2009. С. 15 – 22. (Rara orientalia).

³⁰ Жиганов В. Русские в Шанхае / предисл. В. П. Леонова и Ю.В. Шестакова ; вступ. ст. Н. П. Рождественской. Репринтное издание 1936 года. СПб. : БАН: Междунар. ассоциация «Русская культура»: Альфарет, 2008. 300 с.: ил.

³¹ См. фотографии: St. Petersburg offers = Шэнбидебао туйцзе = [Петербург предлагает]. СПб., 2011. № 3. С. 15, 22.

³² По этим темам обе также делали доклады на конференциях «Общество и государство в Китае», «Источниковедение и историография стран Азии и Африки».

³³ Киселева Г.Б. Русская библиотечная и библиографическая деятельность в Харбине, 1897–1935 гг. : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999.

³⁴ «Хижина невежды, упорно познания ищущего»: сборник, посвященный годовщине со дня смерти И.Э.Циперович / сост. Т.И. Виноградова // Вестн. Вост. ин-та. 2001. Т.7. №1. 6 а.л.

³⁵ Россия и Китай: сб. науч. ст.: 60-летию образования Китайской Народной Республики посвящается / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарт, 2009. 214 с. (Rara orientalia).

³⁶ Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста : книга руководства для изучающих язык и культуру Китая / отв. ред. Б.Л. Рифтин; пред. редколлегии: В.П. Леонов; рук. серии Н.В. Колпакова; отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН : Альфарет, 2010. 504 с.

«С МОИМ ОБЛОМОВСКИМ ХАРАКТЕРОМ...»

(по фрагментам писем Г.А. Озеровой)

Е.И. Козан

Исчезает постепенно эпистолярный жанр, дарованная людям способность писать письма (речь в данном случае не о кратких сообщениях в системе e-mail). Уходит постепенно и поколение, которое еще хорошо помнит, как они обогащали и удлинняли процесс общения. Как их ожидали, когда обстоятельства, скажем, в военные годы, разделяли людей. В науке, в культуре польза от переписки была великая. Да и до сих пор те, что опубликованы, остаются важными источниками для исследователей. Хотя, помнится, у К. Симонова: «Письма пишут разные: / Слезные, болезные, / Иногда прекрасные, / Чаше — бесполезные». Но именно «слезные, болезные, иногда прекрасные» тем и интересны. Сколько благодаря им сюжетов обыграно в литературе, в кино, какие душевные импульсы порождали они, вызывая раздумья, радостные, а порой и печальные воспоминания.

Покидая Россию, везла я в Америку с учетом регламентируемых норм багажа, книги, несколько златоустовских гравюр и скульптур каслинских мастеров литья Урала и... письма. Опять же, у Симонова: «...Будут путешествовать / С вами тонкой пачкою». Если бы тонкой. Их было почти восемь килограмм. Книжки можно было не везти, разве что несколько самых, самых. В Америке немало русскоязычных книжных развалов, не говоря уже о специализированных магазинах. А вот письма... Прикоснешься к ним, прочитаешь несколько, и дух захватывает. Обменивалась я письмами по разным поводам с людьми значимыми в областях своих занятий и просто интересными человеками, близкими мне. Среди них М.А. Брискман, И.Е. Баренбаум, Р.Н. Здобнов, Г.Ф. Чудова, А.Г. Глухов, Е.Н. Буринская, Н.Н. Щерба, Г.М. Вольберг, Н.Ф. Горбачевская, Г.В. Михеева, Ю.С. Перцович, Г.А. Озерова, Юрий Нагибин, краеведы областных библиотек

Урала, Башкирии, Тюмени. Некоторые мне удалось опубликовать. Хотелось бы верить, не без пользы. И вот уже ни один год лежат подобранные и разложенные по датам, завязанные ленточкой, письма Галины Александровны Озеровой. Их не так уж много, всего 20, написанных на небольших страничках почтовой бумаги, и 6 поздравительных открыток. Но почему именно сейчас решила я о них написать?

В журнале «Библиография» давно заведена рубрика «Краеведческие штудии». С каким-то необъяснимым мне самой чувством ревности слежу за ней. И как-будто радуюсь тому, что живет краеведение, и в то же время сравниваю с прошлым. И кажется мне, что раньше было как-то более интересно, более значимо. Были зональные объединения по краеведческой библиографии, организовывались конференции. Краеведение преподавалось на библиотечных факультетах. Ведущие специальные курсы, на лекциях и семинарах, на конференциях, в своих статьях обсуждали теоретические проблемы библиотечного краеведения, специальные вопросы методики. Так или иначе, но на местах все это культивировало то, что сейчас с трудом раскачивается в основном политиками, — патриотизм, но патриотизм через познание истории, архитектуры, литературы мест, архивных документов.

Занимаясь краеведческой библиографией, мне приходилось анализировать библиографические словари местных деятелей, особенно писателей, и я просто удивлялась искреннему патриотическому рвению составителей, которые с гордостью включали в них справки о том или ином деятеле, называя его местным лишь на том основании, что он проездом был в городе, и это нашло отражение в местной печати, и они попадали в разряд местных деятелей. Некоторые имена дублирова-

лись в биобиблиографических словарях, составленных в разных областях или краях Советского Союза. Это было трогательно, хотя с точки зрения методики, нарушались какие-то сложившиеся критерии отбора имен. Меня все эти вопросы интересовали, и я обсуждала их в письмах к Николаеву, Щербе, Горбачевской, Озеровой. И больше всего с Галиной Александровной Озеровой. Она для меня была главным консультантом.

Краеведческое библиографическое сообщество не оставляет ее заслуги без внимания. В 2005 году в Российской национальной библиотеке состоялись Озеровские чтения, приуроченные к 100-летию Галины Александровны. В журнале «Библиография» был опубликован небольшой обзор этого мероприятия (см.: «Библиография», 2005, № 6). А до этого журнал отмечал ее 75- и 80-летие. В области краеведческой библиографии Галина Александровна действительно была специалистом высокого класса, что и подтверждали все, кто говорил и писал о ней. Есть и составленный А.Н. Масловой библиографический указатель о ней (СПб., 2005). В трехтомном биографическом словаре «Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры» помещена биография Г.А., написанная Г.М. Вольберг, достаточно долго работавшей рядом с ней. Текст мне показался несколько сухим, каким-то канцелярским, возможно, таковы были общие требования для этого издания. А может быть, и потому, что Галина Александровна была человеком непростым и нелегким в общении. Жизнь ее была нелегкой, и в общении она казалась сдержанной. Но при этом была удивительно отзывчива: тем, кто нуждался в помощи, поддержке, не отказывала никогда. Я это испытала на себе.

Почти коренная ленинградка, худенькая, небольшого роста, Г.А. Озерова отличалась скромностью во всем. Сколько я ее знала, всегда была коротко подстрижена, носила аккуратную, неброскую одежду, иногда с белым воротничком. Абсолютно, как мне казалось, равнодушная к мо-

де, она мне чем-то напоминала курсисток давних времен. Скромна Г.А. была и в быту. Я это заметила, когда не раз бывала у нее дома. На всем лежала печать какой-то суровости. Жила она в небольшой квартирке одна. О ее близких мне неудобно было спрашивать. Как я поняла, не любила она затрагивать эту «тему», как и не любила пускать в свое одиночество даже самых близких ей людей. И вообще то, что касалось ее личной жизни было неприкасаемо. Допускаю, что не для всех. Позднее, уже по письмам, я поняла, что у нее были родственники, живущие под Лугой и в Москве.

В молодости Г.А. увлекалась этнографией, но что-то помешало ей выбрать именно эту профессию, скорее всего материальные трудности. С 1926 года начала работать в библиотеках. В тяжелые дни блокады, уже в ГПБ, она приступила к формированию коллекции печатных материалов на тему «Ленинград в Великой Отечественной войне». Так Г.А. вошла в краеведение. Вместе с М.В. Машковой, получив командировку в Псков, они собирали образцы немецко-фашистской печати во время оккупации города. Попадались им и партизанские газеты, листовки. Война еще шла, когда в 1944 году под руководством М.К. Азадовского Г.А. начала осваивать тему «Источники краевой библиографии» и, соответственно, возводить по кирпичикам главный труд своей жизни «Библиографию краеведческой библиографии». Десять лет, начиная с 1953 года, она составляла первый том его, который был посвящен Северному Кавказу. По ее инициативе более пяти лет выходил аннотированный бюллетень «Организация, методика и библиография краеведения». Для многих, кто занимался библиотечным краеведением, Озерова стала ведущим консультантом по вопросам ее методики, в частности, в определении круга источников и критерий отбора их. ГПБ была для Г.А. родным домом. Еще бы: пришла она в библиотеку в 1942 году, в трудные годы военного времени, а ушла на пенсию в 1983 — сорок лет с хвостиком.

ком. Вот такое длительное, я бы сказала, героическое служение делу.

Меня с Г.А. свел А.В. Мамонтов, а мой научный руководитель М.А. Брискман, видимо, хорошо зная ее, пытался предостеречь меня от возможных столкновений. В наши общения не вмешивался, за что я ему была благодарна, потому что довольно часто обращалась к ней за советами. Она охотно помогала. Это были 60-е годы, а затем и в последующие почти 20 лет. После защиты диссертации, уехав по назначению, я не так часто приезжала в Ленинград, и, конечно, посещала ГПБ, поднималась в стареньком лифте на 5-й этаж и заходила в комнату, где размещались краеведы, даже тогда, когда Г.А. уже не было среди них. Теснота была жуткая. Сейчас уже не помню, сколько столов было в этой небольшой комнатке, и, казалось, можно было бы убрать ее стол — все было бы свободнее, но сотрудники это не сделали. И я еще больше зауважала их.

Я не психолог, но очень хочется проникнуть в суть характера человека, которому чем-то обязан. Г.А. я обязана многим, потому что она всегда появлялась в моей жизни тогда, когда, можно сказать прямо, не всегда складывалась эта жизнь хорошо. Ее письма (а переписываться с Г.А. я стала с 1969 года), не просто поддерживали меня, но они вводили от негативных бытовых проблем и заставляли думать и работать, быть, как говорится, на плаву.

Посланий Г.А. ко мне, как я уже писала, сохранилось не так уж много. В открытках, помимо всяких пожеланий, встречаются характерные для ее разговорной речи фразы. Например: «споткнулась мыслью о...», «Путеводитель» лежит без движения. Краткие оценки: «Книгу Бученкова считаю вредной, так как в ней собрано не все, а с тенденцией и передергиваниями. Ясности она не вносит...» Чаще же были в них вопросы, касающиеся моих планов, например, «Как движется ваш учебник по Уралу?» В письмах Гали-

на Александровна проявляла и суровость, и требовательность, и озабоченность, и... доброту. Захотелось мне привести фрагменты* из некоторых из них, в хронологической последовательности их написания. Иногда это будет очень краткий пересказ их, какие-то суждения.

18 декабря 1969 г. Улетая в Чимкент, я, видимо, одолжила у Г.А. (и не только у нее) деньги в надежде, что смогу расплатиться, получив подъемные на переезд, или же буду постепенно «порциями». Как раз в этом письме Г.А. сообщила о получении от меня денег. «Остальные я, конечно, подожду пока Вы не расплатитесь со всеми другими долгами. Не беспокойтесь об этом». Задает вопрос: «Не мерзнете ли?» В Чимкенте была на редкость холодная и снежная зима.

Несколько писем Г.А. 1970-го года, насыщены интересной информацией, она пытается втянуть меня в круг заброшенных мною краеведческих проблем. В одном (точной даты нет) спрашивает: «Не забыли ли Вы о рецензии на биографич. словарь Григорьева?» Речь шла о «Биографическом словаре» посвященном деятелям естествознания и техники, изданном в Петрозаводске. Это был период, когда многие библиотеки (областные, краевые, республиканские) увлеклись составлением биобиблиографических пособий, посвященных выдающимся людям своих мест. Труд С.В. Григорьева отличался от ему подобных, и специалисты РНБ пытались оценить его и в то же время предостеречь других составителей от недостатков, которые были обнаружены у составителя. Озерова пишет: «Сама не знаю, что из этого получится, т.к. [Е.В.] Иениш уже написала 7 стр. И очень хорошо, вполне законченно, т.ч. я не знаю, куда мне со своим материалом вклиниться. В то же время, мне кажется, что она зря так подробно останавливается на методических недостатках и мелких фактических ошибках. Боюсь, что и Вы пойдете по тому же пути, т.к. работа и с моей точки

* При цитировании фрагментов из писем сохранена авторская пунктуация.

зрения очень уязвима. Но нельзя подходить к ней с общей меркой. Автор умер. Издание пришлось пробивать с огромным трудом (два раза рассыпали набор). Наш милый петрозаводский хозяин — Иван Михайлович [видимо, директор Петрозаводской библиотеки] потерпел из-за него много неприятностей и теперь, видимо, рассчитывает на нашу поддержку (реабилитацию) своей позиции. Поэтому, если с Вашей точки зрения, отрицательные качества этой работы перевешивают положительные, лучше не писать вовсе.

Я сама нахожусь в крайнем затруднении и по отношению к материалу Иениш, и к своему собственному. Не согласна с необоснованно широким отбором имен, недостаточно аргументированной их связью с Карелией, малым весом библиографии в справках. Но рассматриваю работу как первый шаг на пути к серии отраслевых выпусков. В этом и в большом собранном материале вижу ее ценность».

12 декабря 1971 года. В письме поздравление с приближающимся Новым годом, но не только, написано оно, как пишет Г.А., «с корыстной целью». Она просит «организовать отзыв» на автореферат диссертации Ант. Никит. Ермолаевой «Универсальная областная библиотека в региональной системе...» «Я давно знаю диссертанта как прекрасного работника и человека, но она слишком скромна и пассивна. Ждет, когда отзывы сами к ней прилетят, а защита назначена уже на 4 января. Я пишу одновременно и [Б.Т.] Уткину. Прошу принять в отзыве активное участие. Думаю, что это будет для Вас вместе с ним не так сложно... такие отзывы — плюс к работе кафедры. ...надеюсь на Вашу энергию и доброе отношение к нашей библиотеке. Не поймите только «доброе отношение» как повод для непременно хорошего отзыва. Важно, чтобы он пришел во время и был справедливым. Вот и всё».

1973 год (месяц и число не указаны). В письме Г.А. сообщает, что «необходимо было сдать большую работу (“Поволжье”, что и сделано в срок)». Пишет, что болела

и получила возможность 5 дней (вместе с праздниками) просидеть дома. «Мне [Г.М.] Савиных писала о зональной краеведческой конференции в январе 1974 г. Пригласила меня и [Н.Ф.] Горбачевскую, но я не смогу никак, а Н.Ф. и хотела бы, но очень у нас жестко с командировками стало, т.ч. не знаю, удастся ли ей. У меня предстоит очень напряженный год. Надо подготовить к печати (в 74 г.) “Сибирь” и “Д/В”, “Поволжье” (к выходу в 75 г.), “Урал”. Не представляю, как справлюсь». В этом письме есть одна фраза, насторожившая меня: «...будьте осторожны в выражении своих суждений о работе б-к (в данном случае уральских). Помните, что это может привести к роковым последствиям для них». Мне приходилось часто выступать и, естественно, затрагивать вопросы качества работы библиотек. Что имела в виду Г.А., написав о роковых последствиях, не знаю, но догадываться можно. Мои критические оценки не всегда были лицеприятными, что, видимо, и дошло до Г.А. Заботясь о людях, она предостерегла меня: не навреди.

Я уже где-то рассказывала о том, как после лекции по истории книги ко мне подошла студентка и показала хранимую в ее домашней библиотеке книгу Соболящикова. Я ее посмотрела и поняла, что это издание начала XIX имеет определенную ценность. Написала Г.А., отметив, что, возможно, студентка захочет продать ее. И вот в письме от **восьмого января 1975 г.** Г.А. пишет: «Еще раз о Соболящикове. У нас есть и книга “Барону Корфу...”, и отгиск из нее “Воспоминаний...” Соболящикова. Но и зав. Отделом комплектования (Евг. Степ. Боханевич), и работники сектора старой книги, с которыми я говорила, считают приобретение экземпляра Вашей студентки очень желательным и готовы его купить. Только предупреждают, что цены у нас государственные, т.е. жесткие. Так что, если она согласна, то пусть присылает, но на мой адрес. Так они просили, чтобы эта книжка не затерялась в общем потоке огромной ежедневной почты ГПБ.

Я передам ее в закупочную комиссию, откуда придет ответ и, вероятно, бланк счета. Спасибо Вам за заботу о нашей ГПБ». Не помню, как дальше сложилась судьба книги. И очень надеюсь, что она попала в ГПБ.

В этом же письме Г.А. спрашивает: «А как там Ваши Уткин и Моргенштерн? Совсем они со мной раззнакомились. Уткин столько времени был в Л-де и даже не зашел. Ну, бог с ними. Я ведь понимаю, что пользы от меня, как от козла молока, а зря терять время, конечно, не стоит, слишком его у всех нас мало». Обида? Да.

Жилось Галине Александровне не так уж и хорошо, в том числе и в бытовом отношении. Вот одно из подтверждений из письма от **11 ноября 1977 г.:** «Большое, большое спасибо за Белова [Речь идет о писателе-деревенщике В.И. Белове — Е.И.]. Нашла в этом однотомнике кое-что, чего у меня не было и скрасила несколько праздничные дни. Они у меня прошли в развале и борьбе с грязью, т.к. во всем доме меняют водопровод и канализ., ломают стены и потолки. Да еще и холод напускают...» А дальше по делу: «“Периодику Урала” рецензирует А.В. Суворова (из ЛГИК). Кажется, пойдет в сборник трудов» Затем она размышляет о так называемом проекте издания приложения к моей диссертации, посвященной краеведческой библиографии. Я отправила краеведам ГПБ проспект. «У меня, — пишет Г.А. — возникла вот такая мысль: ведь если издавать “Библиографию краеведческой библиографии” как выпуск серии “Библиография краеведческой библиографии РСФСР”, то надо, чтобы и принципы ее составления соответствовали принятым у нас для всей серии, т.е. чтобы выявленный материал был просмотрен и проаннотирован. Пересмотреть все, что Вами уже выявлено, с добавлениями за следующие 10 лет, в условиях Челябинска вряд ли можно, а надежда на столь длительную научную командировку в Л-д (8–10 месяц.) нереальна (я уже поняла это). Что если дать Вам соавтора из

ГПБ? Вы занялись бы выявлением материала по источникам, а она — проверкой правильности описаний, аннотированием, систематизацией. Как Вы на это смотрите? Если отрицательно, то пожалуйста, не постесняйтесь так и ответить. Это никого не обидит. Не хочу влиять на Вас. Решайте только сами».

18 февраля 1978 г. «Ирина Ивановна [Фролова] непременно хотела Вам ответить сама, но была загружена всякой текучкой... Она просила меня обобщить соображения Горбачевской, Титовой, Вольберг и мои собственные по Вашему проспекту... Все мы сошлись на том, что ему не хватает логики и четкости, а некоторые положения противоречат, в принятом в серии “Б-фия краеведческой б-фии РСФСР”.

Совсем опущены принципы отбора имен, хотя с них надо было бы начать, т.к. они определяют и отбор биобиблиографических пособий и все остальное. Почему-то совсем игнорированы “уроженцы”, хотя, как Вы сами знаете, в практике они занимают большое место и с этим нельзя не считаться». Дальше Г.А. перечисляет более десяти конкретных замечаний. Фрагменты из этого письма отражают отношение Озеровой к своему детищу. Г.А. неоднократно возвращалась к соавторству в подготовке к изданию моей работы. Этот вопрос «надо решить сейчас. Ведь от этого будет в зависимости план и загрузка какого-то из наших сотрудников». Она пишет: «главное затруднение в обязательном **просмотре всего** материала и аннотировании его. Думаю, что в этом не сможет ощутительно помочь Вам и [Н.Н.] Щерба, при всех его добрых намерениях. Ну, посмотрите сами, когда дойдет до дела...»

14 июля 1978 г. Это письмо я получила, когда лежала в ЦИТО (Москва) после операции. Как всегда, Г.А. высказывает самые добрые пожелания. «...хорошо, что люди, не такие Вам и близкие, навещают Вас... Шрайберг вообще казался мне добрым человеком. Сейчас, после постигнутой его утраты, он, вероятно, обостренно

воспринимает и несчастья окружающих. Не надо ли Вам чего-нибудь, что можно выслать из Л-да? ...Наталья Фед. уже недели две как работает, но чувствует себя неважно...» Лазарь Яковлевич Шрайберг преподавал краеведческую библиографию в Московском институте культуры. Он жил в центре Москвы в большой квартире и я, бывая в столице, иногда останавливалась у них. После смерти жены он с сыном выехал в Израиль. Этот же фрагмент из письма Г.А. говорит о том, что она была связана с «краеведами» вузов: Бученковым, Шербой, Шрайбергом и многими другими.

1 февр. 1979 г. Г.А. опять возвращается к соавторству моей работы: «Вы упорно не отвечаете на самый важный вопрос — об авторстве. Ведь роспись источников только начало дела. Расписанный материал требует просмотра, окончательного отбора, описания, аннотирования. В фондах челябинских б-к найдется далеко не все, так что без ГПБ никак не обойтись, тем более, что приложение к Вашей диссертации — как мы убедились — тоже подлежит пересмотру de visu. Реально ли при таких обстоятельствах рассчитывать Вам только на свои возможности?»

Для нас пока не ясно — кого именно можно было бы присоединить к Вам, но важно решить этот вопрос принципиально и немедленно, при составлении планов на будущую 5-летку». Далее в этом письме есть «небольшие замечания» по проспекту. «...вряд ли краеведческие библиографические материалы появились с начала XIX в., когда известно, что краеведческая библиография зародилась в начале 2-й трети XIX в. Что Вы имеете в виду?» Г.А. была права в отношении даты зарождения краеведческой библиографии, но краеведческая библиография могла зародиться раньше. Г.А. предлагала отказаться от листовок и библиографических плакатов. «Их трудно выявить полностью, а материала и без них будет много».

16 июля 1979 г. И это письмо опять о моем Приложении к диссертации. «Са-

ми Вы считаете, что необходимо поработать в Л-де по меньшей мере, месяца два и сами же приводите весьма серьезные препятствия к этому. Так мы ни до чего не договоримся. Между тем время идет, и в октябре будет составляться план на 11-ю пятилетку. Если Ваша работа туда не войдет, то отложится еще на 5 лет... М. б. Вам хочется вообще отделаться от нашей опеки и опубликовать работу независимо от нас? Если есть такая возможность, то следует ею воспользоваться. Редактора найдете у себя, а для просмотра отсутствующих в Челябинске материалов придется затратить отпуск (даже и не один) и выписку по МБА из нескольких крупнейших б-к. Поверьте, что у нас в этом соавторстве никто не заинтересован, да и не представляю, кто бы мог и хотел за это взяться. Впрочем, надо решать и поскорее. ...а я наверно просижу в Л-де. Как подумаю о доставании билета, жилья, пищи и т.п., так совсем никуда не хочется. Отяжелела я. Пора уж.

В отделе у нас — как наверно и везде — переживания в связи с повышением ставок все еще не утихают. Одни рады, другие обижены, третьи негодуют, и еще всякие нюансы. ...Нат. Федор. ...совсем запарилась с Красноярским совещанием, работает, все выходные дни и плохо себя чувствует. Борис Львович [Кандель] очень доволен и квартирой и районом, Сейчас он в отпуске под Ленинградом. ... [Ю.С.] Перцович действительно приятный человек и очень знающий в своей области, но с глобальными идеями, трудно осуществимыми. С Л.А. Левиным поступили несправедливо и мне его очень жаль, а Сикорскому так и надо. “Как веревочка не вьется, а конец ей найдется” Удивляюсь [Н.С.] Карташову и сочувствую ему. Ведь он уже лежал в больнице не то с инсультом, не то с инфарктом. Видно мало ему этого. Никакой реакции на все эти события мы в нашей печати не обнаружили (вернее, не заметили)».

25 декабря 1979 г. «...У меня теперь целых 4 начальницы, не считая директора б-ки. Кроме того, еще Б.Л. Кандель,

из группы которого я переведена в краеведческую, хотя по-прежнему занимаюсь 2-й степенью (готовлю путеводитель по источникам краеведч. библиогр.). Каждый вопрос приходится согласовывать, а это сложно. Ваше письмо с согласием на соавтора Ирина Ив. получила только в октябре, Бор. Льв. — в ноябре, а я вообще не получила. То, что Вы хотели бы теперь, мы предлагали на Петрозавод. совещании, но тогда Вы не проявили активности. За это время происходили изменения в людях, планах и возможностях. Все очень осложнилось. В настоящее время Ц.И. Грин болеет. Она выйдет только после нового года. Тогда будут коллективно думать и искать выход. Какой бы он не оказался, вас известят сразу же. “Вильнюсское” совещание неизвестно, где и когда произойдет, и тезисы прислать еще не поздно. От души хотела бы [пожелать] удачи во всех ваших делах, а мои идут под гору. Вот закончу “Путеводитель...” и на покой. Алиса Лебедева (ГПНТБ СО) защитилась блистательно (“Б-фия краев. б-фии”).

6 января 1981 г. «Спасибо за всякие хорошие слова в мой адрес, но, увы... примером, ни для кого... я уже служить не могу. Завязла в своем “Путеводителе”, потратила массу времени на его обдумывание, разработала четкую, всех удовлетворившую структуру, а когда села писать, оказалось все не то и все не так. Маялась весь 80-й год, не имела ни отпуска, ни выходных дней, ни даже нормальных ночей и в результате представила 25 а.л., но это лишь часть работы и при том в довольно сыром виде. Надо ее как-то отжимать, чтобы затем дополнить и уложить в 40 а. л. Да и в процессе работы встает много неясного, так что придется еще мне хлебнуть горя, и поздно все это я затеяла. Вот уже и гипертонию заработала (врач сказала — на почве переутомления), а толку чуть...» Дальше Г.А. сообщила, что Кандель и И.И. Фролова решали вопрос о публикации моей статьи и что сборник, в который ее планируют поместить, выйдет в 82-м году. В этом же письме: «Считаю, что предложе-

ния рецензировать и Здобнова и Николаева очень лестные. Оба сборника солидные (о значении их объектов [видимо, субъектов] и говорить нечего) и должны занять видное место в литературе краеведческой библиографии. Желаю успеха. ...А я нынче никого и не поздравляла, т.к. вот только начинаю возвращаться к нормальной жизни».

19 марта 1981 года. «Вы, вероятно, знаете, что небезызвестному Вам А.К. Шарцу исполняется 75 лет? Точная дата мне неизвестна, но вероятно на Урале это событие как-то будет отмечено. Не приходила ли Вам мысль воспользоваться этим обстоятельством? Ведь это типично “Ваша” фигура. Краевед с редким знанием своего края: принимавший активное участие в общественной и хозяйственной жизни края; собравший огромное количество материалов об Урале; передавший эти материалы местным архивам в разобранном и систематизированном виде; автор ряда работ о выдающихся людях края и, что особенно характерно для Урала — главным образом о техниках, изобретателях, первооткрывателях природных богатств края; наконец — библиограф в области краеведч. биобиблиогр. Это ли Вам не благодарнейший объект для заметки, очерка, исследования? На Вашем месте я ухватилась бы за эту подлинно Вашу тему. Ее можно начать разрабатывать с отдельных конкретных мелочей, пользуясь юбилеем, а потом расширить до пределов монографии, рассмотрев в ней все проблемы и перспективы современной краеведч. биобиблиографии. Ведь таких как Шарц уже очень немного сохранилось: знаток края — обществ. деятель — собиратель местных материалов — библиограф. Какое идеальное сочетание! В генеральном каталоге ГПБ я насчитала 20 назв. его работ (только отдельно изданных). Половина из них биобиблиогр. пособия, а остальные снабжены прикнижными списками лит. уже об архивных материалах, большая часть которых составляют заготовки для биобиблиогр. словаря выдающихся уроженцев. Подумайте, Лена, об этом...

Я продолжаю киснуть и, сообразно с возрастом, вряд ли выйду когда-нибудь из этого состояния. Если встречаетесь с Уткиным и Моргенштерном, передайте мой большой привет, а Исааку Григорьевичу еще и спасибо за память. Путеводитель, на который он так надеется, двигается туго, и я снова нахожусь в мрачности...»

17 июля 1983 г. «...Я с этой весны на пенсии, а т.к. “Путеводитель” не закончила и передать его некому, хожу, когда вздумается, дорабатывать его понемногу (разумеется, “за так”) и этого мне хватит на всю оставшуюся жизнь, тем более что за мной сохраняется полный мемориальный комплекс: стол, стул, стеллаж. А вот какой у меня к Вам вопрос: что делать с Вашим краеведческим биобиблиографическим указателем (прил. к диссертации)? Он заперт у меня в столе (на работе) и брать его домой не имеет смысла, т.к. сама я уже ничего с ним делать не буду и кому передать, не знаю. Хотелось бы в “хорошие руки”, да не нахожу таких рук. Во всяком случае, распоряжусь им только по вашему усмотрению».

Из этого же письма Г.А.: «К нам приехала в июне зав. сектором регион. б-фии ГБЛ — Т.А. Воробьева. Я ее знаю еще по ГПНТБ СО АН. Она человек исполнительный, энергичный, деловой, но работала в системе АН, а в последние два года в информации биол. НИИ и плохо знает нашу систему, краеведение и его проблемы представляет весьма туманно, да и не старается в них разобраться, считая главными своими функциями — организационные. Краеведческую б-фию она определяет как “подсистему региональной библиографии”, а что такое регион и региональная б-фия, — неизвестно, единого понимания нет. Одно очевидно — краеведение задвигается куда-то на задний план, нивелируется в один ряд с общими библиографич. функциями и определениями. Такое же впечатление и у [И.И.] Михлиной. Она прислала мне очень горькое письмо. Считает, что хоть (к ее удивлению) и оказалась в составе вновь созданного совета по регион. б-фии, сделать

ничего, с ее точки зрения, разумного не сможет, так как сил уже нет для борьбы со всеми этими непродуманными новшествами. Краеведческую группу ГПБ все это мало волнует, т.к. из старых сотрудников там осталась только Г.М. Вольберг, да и она (как и остальные трое) занимаются главным образом учетом б-фических изданий обл. б-к РСФСР.

Для меня и предыдущие годы были тоже тяжелые и сейчас всё еще не могу освоиться с новым режимом, а вернее, с безрежимьем, к которому, оказывается, тоже надо привыкать. С моим обломовским характером это трудно. Видимо требуется хорошая палка. Она и висела надо мной более 50-и лет, а теперь вдруг исчезла. Странно как-то и все кажется будто что-то не сделала, забыла, опоздала. И со всем тем действительно ничего не делаю, только зря трачу время, даже не отдыхаю по настоящему. Придется поехать на ягоды и грибы за Лугу, а то невестка который год снимает там хорошее помещение в бору, на берегу озера. Всё рассчитывает на меня и теперь у меня причин для отказа нет, Да ещё в Москве родственники давно ждут, но это уже на IX–X [сентябрь-октябрь] отложу... Всё пишете? Э. Найдич как будто доволен Вашей статьей... А вот Михлина что-то руки опустила. Не похоже на нее. Наверно смерть отца так повлияла. Пишет, что очень трудно привыкает к одиночеству... Б.Л. Кандель тоже ушел на пенсию».

21. декабря 1983 г. «О Шрайберге. Хороший он человек. Жаль его очень. Поддерживаете ли Вы с ним связь? Он, видимо, нуждается в общении с людьми своей среды, а МИК этого не дает. А как Ваша челябинская жизнь, работа? У нас нынче зима ранняя и снежная, а расчищают только проезжую часть, а пройти к ней приходится с трудом. Выползаю из своей норы по необходимости и по близости. В ГПБ бываю раз в неделю. Всёковыряюсь со своим “Путеводителем” и конца края этому не вижу. Хоть и уверена, что его не издадут, хочу сделать все, что могу (если успею). Никто за Вашей краевед-

ческой биобиблиографией не приходит. Я подумала, что может ей неплохо будет храниться в фондах рукописного отдела ГПБ? Как Вы на это смотрите?...

Пользуясь, случаем, должна заметить, что я изначально не планировала выпуск Приложения к моему диссертационному исследованию в рамках серии «Библиография краеведческой библиографии». Краеведы же ГПБ, и, в первую очередь Г.А. рассматривали его именно как один из возможных выпусков этой серии. Все замечания были сделаны на Проспект и, как я думаю, у сотрудников краеведческого сектора не было времени, заглянуть в само Приложение. Может быть, именно поэтому мой огромный труд так и не увидел свет, и я так и не знаю, где он хранится и хранится ли вообще.

4 июня 1984 года. «...Насмешило обращение ко мне, как к «самому опытному библиогр.-краеведу. К самому старому еще может быть, а что касается опыта, это вряд ли. На уральский юбилей была командирована от ГПБ Федюшина (теперешняя начальница краеведч. группы ГПБ). Вернулась в восторге от всего виденного и слышанного там. Уход Савиных на пенсию очень огорчителен. Видимо поганая астма ее совсем замучила. Жаль и отдела и объединения. Хорошо, что хоть Анашкина там остается. А Лалетиной я совсем не знаю. Как-то пойдут дела в Челябин. б-ке при новом начальстве. Вас это лишь слегка коснется, а бедному Уткину может тяжело оказаться. Как его язва? Удалось ли подлечить? Хорошо, что Вы все-таки осуществили свой замысел о [М.А.] Брискмане. Эта фигура разносторонняя, выходит за рамки краеведения. Она достойна целого сборничка. Думаю — в нем охотно приняли бы участие, кроме Вас, и Мамонтов, Буринская, Суворова, Машкова и, наверное, еще кто-нибудь из ГПБ и ЛГИК'а. Я провела зиму бестолково: и не работала, и не отдыхала, а просто канителилась. На воздух выползала по необходимости и то в страхе от гололеда. Разучилась ходить и сейчас радуюсь, восстанавливая это искусство. Пользуюсь

хорошей погодой: расхаживаюсь по 3–4 ч. в день, затем отдыхаю, а хозяйственные и «путеводительные» дела в забросе, хотя и мучают меня (теоретически), практически же продолжает развиваться самая чудовищная «обломовщина». Ужасаюсь, но даже и борюсь с ней не хочу. Тем более, что перспективы на издание «Путеводителя...» весьма туманны, да я уже и сомневаюсь — нужен ли он кому-нибудь. Мне кажется, что наши ученые-краеведы слишком много натеоретизировали, а всё топчутся на одном месте, усложнили и завели краеведч. б-фию в тупик, из которого вижу один выход: отрезать ее от науки, не мудрствуя отказаться от так назыв. теории, а обратиться вновь к источникам, организационным и методическим основам. Ведь так много натворили, а пользоваться этим потоком до сих пор не умеем, ошибки, допущенные при его создании повторяем, хороший опыт слабо используем. Это, конечно, мысли еретические. Высказывать их бесполезно, да и надоело толочь воду в ступе. Радуюсь тому, что не обязана этим заниматься. Я на лето никому не собираюсь: устарела и стала ценить кое-какие городские удобства и привычную обстановку. Может быть, только в Москву выберусь. Там родственники уже который год ждут меня...»

7 января 1985 г. «...Вы озадачили меня сожалениями по поводу смерти Вити Шумихина, о котором я — к стыду моему впервые узнала из Вашего октябрьского письма. Отложила его для ответа, чтобы прочесть хоть статью в «Сов. Культуре» и так до сих пор не удосужилась сделать это. Нужного номера газеты у себя не нашла, в ГПБ бываю редко и всегда тороплюсь, товарищи по отделу совсем не слышали такую фамилию, наконец Мамонтов просветил меня и вот, я отвечаю: В Кирове никогда не была, работами Шумихина не пользовалась, за профессиональной печатью слежу не регулярно. Видите, на каком уровне стоят так называемые «научные сотрудники» ГПБ? А еще имеем претензии на метод. руководство б-ками РСФСР!

Говорю “мы” по старой памяти. Фактически же наша маленькая краеведческая группа так изменилась в своем составе, интересах и занятиях, что постепенно я все реже общаюсь с ней, и хотя меня всегда встречают радушно, не чувствую там своей деловой надобности. Что касается “Путеводител.”, то поняла, что взялась за него слишком поздно, когда силы уже на исходе, а привычка к их экономному и разумному использованию не выработана. “Книга” поставила его в план, не читая фрагментов, присланных туда и не имеют понятия о его содержании. Когда разберутся, то верно выбросят, а я и не огорчусь. Все равно постараюсь закончить (пока до этого далеко), т.к. “дальше в лес — больше дров” и сдать его хотя бы на депозитарное хранение. Когда-нибудь, кто-нибудь воспользуется....

...я еще не видела книги Бученкова. Мамонтов говорит, что там снова пережевывается терминологическая мочалка и всё связанное с ней. Насколько я поняла, вся концепция уничтожает специфику краеведения, а предисловие Карташова превозносит работу как “передовое открытие”. Жаль, если книга окажется очередным словоблудием и не внесет ясности в вопросы, столько лет обсуждае-

мые. Ведь подобное издание — редкость и конечно привлечет широкое внимание и вызовет надежды специалистов.

Хорошо, что я стою уже по ту сторону добра и зла. Направляю усилия на преодоление стихий и борьбу с неизбежным процессом разваливания, а время летит еще быстрее, чем в прежней (полноценной) жизни. Поразило меня в поздравлении Моргенштерна мимолетное замечание о том, что “дети разъехались”, а я-то все еще представляла их если уже не детьми, то, во всяком случае, — подростками, которые еще никуда не могут “разъехаться”. Разболталась-то я как. Но ведь это редко со мной бывает...»

Это последнее письмо Г.А., которое сохранилось у меня. Все мои попытки узнать что-то о ней, были безуспешны. К тому времени все как-то переменялось в ГПБ. Появились новые люди, мое появление уже мало кого интересовало. Приезжая в Питер, я заходила в другой отдел. Там тоже никто ничего о Г.А. мне не мог сказать. Она, судя по всему, совсем замкнулась в своем одиночестве. И лишь позднее я узнала, что она умерла. Только сейчас, печатая ее письма, я поняла всю глубину ее устремлений и переживаний. Вот вам и «обломовский характер»...

**«ПОД СЕНЬЮ КАШТАНОВ»:
АНТИКОВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КИЕВЕ**

Д.М. Омельченко

16–17 мая 2013 года в Киевском национальном университете им. Т. Шевченко прошла IV международная научная конференция «Актуальные вопросы истории древнего мира». Её второе название — «Ver Kijoviensis. Sub umbra castanearum» («Киевская весна. Под сенью каштанов») — как нельзя лучше передаёт атмосферу этого мероприятия, в ходе которого научные доклады и дискуссии чередовались с прогулками по извилистым улочкам, пропитанным ароматом цветущих деревьев, и многочисленным «местам памяти» древнего города.

Университет собрал в своих гостеприимных стенах более 100 учёных из различных уголков евразийского пространства: Киева, Чернигова, Донецка, Харькова, Симферополя, Полтавы, Черновцов, Ивано-Франковска, Львова, Санкт-Петербурга, Москвы, Саратова, Ставрополя, Воронежа, Белгорода, Ярославля, Нижнего Новгорода, Вологды, Тобольска, Нижневартовска, Минска, Гродно, Баку, Варшавы. Ещё одной гранью многоликого состава участников было то, что выступления местных учёных соседствовали с докладами их молодых коллег. Диалог получился живым, интересным и порой неожиданным.

На конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с историей Древней Греции, эллинизма и Древнего Рима, вопросами археологии и истории Северного Причерноморья, проблемами перевода и комментирования античных источников. Организаторы вовлекли в научную дискуссию и медиэвистов, выделив секцию рецепции историко-культурного наследия древних цивилизаций.

Приветствуя участников конференции, декан исторического факультета Киевского национального университета доктор исторических наук, профессор В.Ф. Колесник и заведующий кафедрой

истории древнего мира и средних веков доктор исторических наук, профессор В.В. Ставнюк поблагодарили участников за проявленный интерес и выразили надежду на продолжение сотрудничества учёных различных стран в области изучения истории. Следует отметить, что на протяжении всей конференции неоднократно высказывались пожелания о расширении научных контактов по самым различным направлениям: от помощи в публикации статей в университетских периодических изданиях до организации олимпиад по истории античности и классическим языкам для студентов и школьников из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Азербайджана и других стран бывшего СССР.

Санкт-Петербург на конференции представляли исследователи из Санкт-Петербургского государственного университета: доктор исторических наук О.В. Кулишова и кандидат филологических наук М.С. Самарина; из Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: доктор исторических наук, профессор Т.В. Кудрявцева и кандидат исторических наук А.Б. Шарнина; из Санкт-Петербургского института истории РАН кандидат исторических наук Н.Б. Срединская; из Библиотеки РАН кандидат исторических наук Д.М. Омельченко.

Широкую тематику и международный состав предстоящей конференции отразили доклады, вынесенные на пленарное заседание: С.Г. Карпюк — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН — выступил с сообщением «Патриотизм Ксенофонта Афинского»; О.В. Кулишова — доктор исторических наук, доцент кафедры истории Древней Греции и Рима СПбГУ — рассказала о «Мифологическом и реальном

пространстве древнегреческого театра»; Т.В. Кудрявцева — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена — посвятила свой доклад теме «Магии в римском законе в эпоху республики»; В.А. Дятлов — доктор исторических наук, профессор, первый проректор Черниговского государственного педагогического университета — представил доклад на тему «Античные образы и риторика в Лейпцигском диспуте 1519 г.»; И.А. Ладынин — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета — заинтриговал слушателей сообщением «Египтяне при дворе Александра в Азии? К возможной интерпретации двух египетских памятников IV в. до н.э.»; В.В. Дементьева — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова — осветила малоизученную проблему «Низшая промагистратура Римской республики: к дефиниции понятия “проквестор”»; О.М. Петречко — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Дрогобычского государственного педагогического университета — обратился к оригинальному сюжету «“Друзья императора” в эпоху принципата».

Широкие тематические, хронологические и географические рамки выступлений были характерны и для секции, посвященной рецепции историко-культурного наследия древних цивилизаций. Диапазон рассмотренных тем распространялся от аристотелевских идей в педагогической практике Филиппа Меланхтона или места античных авторов в культуре жителей Нюрнберга XVI в. до представлений о Фортуне у английских бюргеров XI–XIII вв. и места античности в «Словаре средневековой культуры» под редакцией А.Я. Гуревича.

В работе секции приняла участие и автор данного сообщения, сотрудник Отдела научной систематизации литературы БАН, кандидат исторических наук.

В докладе «Проповеди Цезария Арелатского: *sermo humilis* или риторика власти?» попытка рассмотреть наставления этого позднеантичного проповедника с точки зрения социолингвистики. Цезарий (470–542) — епископ провансальского города Арелата — не избалован вниманием историков. Между тем более двух сотен его проповедей, дошедших до нас, дают возможность не только в очередной раз обратиться к анализу паразитно-центричного способа конструирования текста, но и реконструировать механизм репрезентации власти. Анализ местоимений, используемых Цезарием при создании коммуникативного пространства, позволил сделать вывод, что, несмотря на нарочито простой стиль большинства проповедей, епископ никогда не отказывался от разговора со своей паствой с позиции власти. Тонкая, почти незаметная игра, основанная на использовании тактик «саморепрезентации» (местоимение «я»), «кооперации» (местоимения «мы», «наш»), «размеживания» (местоимения «ты», «вы»), позволяла Цезарию предстать во множестве образов — от наставника, такого же простого, как его слушатели, до пророка, сообщающего народу волю Божию.

В лице украинских и российских коллег я встретила весьма заинтересованных слушателей и собеседников. Многочисленные вопросы, заданные мне после выступления, касались как общих проблем изучения позднеантичной христианской риторики, так и личности самого Цезария. Особое внимание — в силу недостаточной разработанности данной проблематики — вызвал наш опыт междисциплинарного анализа проповеднического дискурса.

Приятной неожиданностью стал дар, сделанный Библиотеке Академии наук одним из участников секции Б.М. Боднарюком, доцентом кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновецкого государственного университета. Он передал свою объемную монографию о ранних фор-

Информация

мах монашеской традиции («Витюки, становлення, духовно-аскетична і місіонерська практика християнського чернецтва III–XI ст.»). Этот дар особенно ценен в свете того, что в последнее время в фонды БАН поступает небольшое количество книг на украинском языке, а также в связи с тем, что тема раннего монашества недостаточ-

но разработана в современной отечественной науке.

В целом конференция показала заинтересованность историков Украины и России в активном сотрудничестве. Остаётся выразить надежду, что, несмотря на финансовые сложности, традиция международных научных встреч в Киевском университете будет продолжена.

Левченко Юлия Валентиновна, родилась в 1960 году в Ленинграде (Кронштадте), в 1984 году закончила ЛГИК им. Н.К. Крупской по специальности библиотекарь-библиограф высшей квалификации, специализация: художественная литература и искусство. Вся трудовая деятельность связана со специальностью, в 1997 году пришла в БАН, где и работает по настоящее время помощником директора.

ЗИМНИЙ ДИПТИХ

1

Этот город — давит, давит...
Эти камни — тянут, тянут...
Этот холод — гложет, гложет...
Это все — зима, зима...
Время бритву правит, правит, -
Мысли — стынут, чувства — вянут...
Есть ли, нет ли, быть ли может, —
Я не знаю и сама...

Черно — белая картинка:
Оголтелым ветром — спицей
Снег обяжет кружевами
Силуэты и дома...
Не растает в сердце льдинка, —
Не наполнится криницей,
Не растопится словами, —
Это все — зима, зима...

2

Мертвый город... серый день —
на рассвете...
Выползает чья — то тень, —
Ставьте сети!
Может быть, опять с Небес —
Злая шутка?
А в душе — голодный бес
Воев жутко...
Ах, по тонкому по льду —
Засвистало...
Вьюга, я с тобой пойду —
Я — УСТАЛА...

НЕРЕАЛЬНОЕ...

В этот зимний стылый вечер,
У Михайловского сада,
Где кружится ограда, —
Там назначена мне встреча...

Вы привязаны навечно
К Петербургу своей кровью,
Но, ушедших вас, любовью
Мы тревожим так беспечно...

Под подолом Карменситы
Вверх взвивается поэмка,
Снежной девы поступь ломка, —
Друг мой, вы не позабыты!

Ваши Четки, bella Анна,
Разорвало безвременье,
Но не тронуло забвенью
Век прожившую свой странно...

Черный перстень — знак Марины,
Отзвук моря и страданье... —
Я приду к вам на свиданье,
Вы — спасенье от рутины...

Трое избраннолюбимых —
Александр, Марина, Анна...
Жаль, — лишь мысленно я званна
Тенью трех, неповторимых!

НОСТАЛЬЖИ

Я хочу в этот парк Золотых фонарей,
Где скамейки грустят в разноцветье аллей,
А вот эта — моя! — Здравствуй, помнишь меня?
О, как мило, что ждешь, место встречи храня...
По ковру желтых листьев бродила душа, —
Я к тебе подходила, почти не спеша,
Чтобы десять минут просто так посидеть:
Помолчать, помечтать, погрустить, поглядеть...
Это было давно. На картине теперь
Открывает мне парк в мое Прошлое дверь,
Ах, как жаль, что за раму не перешагнуть,
Чтобы осень мою хоть на время вернуть...

БАН — С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

По двум любимым линиям к тебе, несущей Свет,
Хожу, как на свидания, уже шестнадцать лет —
Когда — по Менделеевской, когда — по Биржевой...
На Стрелке, обрисованной капризницей Невой,
Проносит вахту времени от ночи до утра
В одеждах серокаменных меньшая дочь Петра...
И Память человечества храня за веком век,
В шестерку входит избранных, больших Библиотек...
Чего же только не было за триста лет в Судьбе —
Пожары и гонения,
Блокада и лишения...
Но скажут поколения: Виват, Виват тебе!

ФЕНОМЕНУ ПЕТЕРБУРГА

Короткий век у северного лета,
Капризна осень, и чудит зима...
Весна неадекватна... Только это
Она не понимает и сама...

И духами хранимый, и святыми,
Обитель муз и призрачных богов, —
Раскрашивает красками ИНЫМИ
Петрополь сны у Невских берегов...

Как странно мы живем в фантоме этом:
Клянем, сбегает, но, цена свой кров,
Его считаем первым Чудом света, —
И лучшим из прекрасных городов!

ТРИОЛЕТ

Играет белой ночи скрипка
Неторопливый менуэт, —
Какая чудная ошибка:
Играет белой ночи скрипка,
Порхает на губах улыбка, —
Века смешались — вот секрет!
Играет белой ночи скрипка
Неторопливый менуэт...

ПРОСТО ПЕСЕНКА

Я люблю, когда за окнами темно,
И приходит в дом ночная тишина...
Там, на улице, идет свое кино,
У меня «волна» другая включена.

Я сама с собой на кухне посижу,
Я зажгу свечу, и мысли потекут, —

На огонь свечи немножко погляжу,
Вспомню всех, кого уж нет, и всех, кто тут...

Помечтаю, — это ведь не запретишь! —
Что могло бы быть, но нету, — ну и пусть!
Погрызу печеньку тихо, словно мышь,
Улыбнусь, быть может, и растает грусть.

Мало времени осталось до утра...
Погашу свечу, скажу тихонько им:
— До свиданья, дорогие, мне пора...
Обещаю: мы еще поговорим!

Я люблю, когда за окнами темно,
И приходит в дом ночная тишина...

